

Ч У Ж О Й™

«ХОЛОДНАЯ КУЗНИЦА»

АЛЕКС УАЙТ

**ОРИГИНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ,
ОСНОВАННАЯ НА БЛОКБАСТЕРАХ
КИНОСТУДИИ «ДВАДЦАТЫЙ ВЕК ФОКС»**

Алекс Уайт

Чужой: Холодная кузница

Серия «Чужой против Хищника»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41172412
Чужой: Холодная кузница: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-113062-6

Аннотация

Потеря «Надежды Хадли» обернулась для «Вейланд-Ютани» катастрофой, ведь вместе с колонией были потеряны и чужие, которых Компания намеревалась активно использовать. Впрочем, боссы корпорации не зря находятся на вершине пищевой цепочки. Ей снова предстоит сокращение штата... теперь на объекте, известном как «Холодная кузница».

Удаленная станция RB-232 стала самым большим вкладом в создание военного потенциала ксеноморфов. Но когда Дориан Садлер отправляется на RB-232 с инспекцией, он обнаруживает, что среди персонала «Холодной кузницы» завелся шпион – тот, кто действует против интересов Компании. С точки зрения Дориана это непростительный грех. Как только враг будет найден, его ждет самая ухищренная расправа. Хотя разоблаченный, этот человек способен уничтожить станцию... и всех, кто на ней находится. Если, конечно, ксеноморфы его не опередят...

Содержание

1. Список	5
2. Прибытие	27
3. Питомники	48
4. Plagiarus praepotens	55
Интерлюдия. Хавьер	72
5. Спасение щенков	74
6. Дым и зеркала	81
7. Дикie псы	88
8. Правда восторжествует	103
9. Адреналин	119
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Алекс Уайт

Чужой: Холодная кузница

Alex White

ALIEN™: THE COLD FORGE

TM & © 2019 Twentieth Century Fox Film Corporation.
All Rights Reserved.

© 2019 Twentieth Century Fox Film Corporation

* * *

ПОСВЯЩАЕТСЯ

*моим трем мушкетерам: Стефену, Мэтту
и Келси.*

*Я точно не знаю кто из вас кто,
поэтому не спрашивайте.*

1. Список

ЗАШИФРОВАННОЕ СООБЩЕНИЕ

ПОСТ ПЕРЕХВАТА: AED1413-23

ДАТА: 20.07.2179

(Не указано А): Обнаружено месторасположение флага индиго.

(Не указано В): Насколько они близко?

(Не указано А): Очень.

(Не указано В): Понял. Выполняйте.

Дориан Садлер знает, что не должен курить.

Джена, врач на судостроительном заводе, жалуется на его вредную привычку каждый раз, когда его видит. Перед погружением в криокамеру она придет проверить его состояние. Дориан любит смотреть на лицо Джены и делать то, что она ненавидит. Ему нравится получать удовольствие от чужого недовольства.

Может быть, стоит попробовать затащить ее в кровать, перед тем как уснуть? Она, наверное, не будет возражать, если Дориан объяснит это желание своим подавленным состоянием из-за предстоящего годичного сна. Нет, сначала нужно закончить работу, так как начальство возлагает на него определенные надежды. Курение – не единственный запрет: во время проверки директору по целевым ресурсам не поло-

жено вступать в неформальные отношения с сотрудниками.

Его жилая комната великолепна, пусть даже в этой поездке он и не использовал кровать для развлечений. Ему нравится рисовать восход Земли, наблюдая за ним через большие панорамные окна станции: голубая громадина, отчетливо выделяющаяся на фоне серых кратеров поверхности Луны. Это прекрасный вид, потому что отражает заслуженные Дорианом власть и уважение.

Его тонкие пальцы быстро стучат по клавиатуре, выполняя запрос относительно сокращения штата судостроительного завода Луны. Садлер находит стабильное предприятие с хорошей прибылью и высокой производительностью и улыбается. Избавившись от ненужных людей, жизнь Компании сможет заиграть новыми красками, а курс акций «Вейланд-Ютани» вырастет на одну десятую процентного пункта. Если девять других директоров последуют его примеру, в сейф «Вейланд-Ютани» отправятся триллионы долларов.

Просматривая списки, он ищет тех сотрудников, которые оказались на грани краха – людей, чья работа далека от выдающихся успехов. Он пропускает примерно треть страницы и находит имя Джены, выделенное желтым цветом в его личной турнирной таблице по «штатному боулингу». В прошлом месяце от нее поступило два страховых обращения, а ведь это именно ее задача предотвращать такие случаи, как, например, курение. Дориан ставит галочку напротив ее имени, пополняя имитированный список личного состава

новым врачом, и обнаруживает меньшее количество медицинских счетов. Садлер указывает, чтобы через неделю, когда он останется в далеком прошлом этой женщины, Джена получила электронное письмо об увольнении. Охрана Луны и кадровая служба уладят остальные детали.

В качестве причины увольнения Дориан указывает низкую производительность труда.

На пятьдесят седьмой строке он находит Альфонса Кеннера, менеджера филиала в отделе обработки турбин. На прошлой неделе Альфонс узнал, что Садлер собирается его уволить, и покончил жизнь самоубийством. Программа отправляет Кеннера в список сотрудников, не принесших ни выгоды, ни потерь.

Но все же это не так.

Дориан хватает сигарету из пепельницы и судорожно затягивается, сжигая ее до горького фильтра. Когда он бросает окурок обратно в пепельницу, пальцы его дрожат, а зубы стиснуты, так что дым выходит через ноздри.

Компьютер ошибся. У Альфонса Кеннера имеется двухмиллионный договор страхования жизни, который он приобрел в свой восемнадцатый день рождения. Он делал выплаты, и они продолжались независимо от его статуса занятости. Банковское подразделение потеряло бы гораздо больше, чем просто сотрудника. Умри он вследствие аварии на станции, было бы еще хуже.

И снова пальцы стучат по клавиатуре. Дориан находит

контракт Кеннера, заверенный более двух десятилетий назад каким-то идиотом. Перейдя с одной ссылки на другую, он обнаруживает страховой полис. Открыв документ, Садлер быстро просматривает условия и судорожно выдыхает. Как всегда он оказался прав.

Самоубийство освобождает Кеннера от выплаты. А что еще лучше – это произошло до того, как покойный ратифицировал предложенное ему щедрое выходное пособие. Так что нет, Кеннер – не пустое место. Он – это два миллиона долларов, которые принес домой Дориан, а не банк.

Садлер напрягает мышцы и потирает о брюки сжатые кулаки. Банковская оперативная группа посчитает снижение динамики выплат своей заслугой, но в любом случае это победа Дориана. Он думает добавить комментарий к данной позиции, или, возможно, отправить сообщение начальству, но он здесь для того, чтобы спасти миллиарды, а не миллионы, поэтому не стоит беспокоиться по пустякам.

– Дориан, – доносится голос за открытой дверью.

Джена тут как тут. Стоит наготове с планшетом в руке. Садлер идет на поводу у своего гнева и изображает язвительную улыбку. Ему нужно выпустить немного пара.

– Все в порядке, дружище?

Дориан выключает экран компьютера:

– Могу я на мгновение быть честным?

Девушка кладет руки на бедра и ухмыляется:

– Надеюсь, это будет не предсмертная просьба.

Он встает, протягивает руки и, перекатываясь с пятки на носок своих итальянских туфель, приближается к ней. У Садлера впечатляющий рост, особенно заметный в этом курятнике. Никто даже не ожидает, что он настолько большой и сильный, – это не так заметно на расстоянии. К тому же у Дориана широкие плечи. Как только он оказывается в двух шагах от девушки, то тут же убирает руки в карманы брюк, оставив снаружи только большие пальцы, и слегка ссутуливается, выставив вперед локти. Она должна знать, что он может окружить ее, поглотить.

– Я просто хотел поговорить... с вами, – он одаривает Джону отрепетированной несчастной улыбкой. – Все меня ненавидят, доктор. Я абсолютно в этом уверен. Я провожу большую часть дней на корабле... в основном в криогенном сне. Затем я просыпаюсь, сокращаю штат организации, после чего снова возвращаюсь спать.

Джена поднимает бровь, но не опускает обратно. Дориан правильно ее понимает.

– У каждого своя работа, – отвечает она.

– Все, что я вижу – это личные трагедии людей.

Взгляд Дориана устремляется в окно, будто он не может заставить себя посмотреть собеседнице в глаза. Мужчина прикусывает губу:

– От меня будто веет несчастьем.

Но доктор чувствует кое-что иное. Запах – самая сильная мнемоника, и Дориан задается вопросом, какой багаж идет

вместе с ним.¹

– Это сигаретный дым, – говорит она с ухмылкой. – А не личные трагедии. И, раз уж мы говорим о сигаретах, у вас не найдется еще одной?

Глаза Дориана фокусируются на Джене, и он притворно усмехается:

– Я думал, вы не курите, доктор.

Она пожимает плечами и делает шаг ближе:

– У каждого своя работа. Моя пропагандирует здоровую рабочую среду, но я собираюсь взять выходной.

Все ее убеждения и наставления – ложь. Как он мог не заметить это? Что *еще* проскользнуло мимо него? В теле вспыхивает жар. Это не похоть, это – гнев. Судя по тому, что сейчас происходит, и по тому событию с Кеннером, представительство этой чертовой организации должно быть просто уничтожено. Они все делают неправильно.

– Знаете, я не глупая, – продолжает Джена.

Лгунья приближается к Дориану и касается верхней части его галстука.

– Я знаю, чего вы хотите, – девушка обхватывает пальцами галстук и осторожно расслабляет узел. – Это же очевидно. К тому же, мы, вероятно, никогда не увидимся снова.

Лгунья развязывает галстук. Она не видит кулаков Дориана. Она забрала его власть... или, по крайней мере, попы-

¹ Мнемоника – совокупность специальных приемов и способов, облегчающих запоминание нужной информации и увеличивающих объем памяти.

талась.

– Я могу покурить и позже, – говорит Джена, приближаясь, чтобы поцеловать Садлера.

Когда их губы почти соприкасаются, он бросает на нее высокомерный взгляд.

– Вы неправильно поняли ситуацию, доктор, – объясняет Дориан. – Я хотел только поговорить с другом. Ваше поведение совершенно неуместно.

От унижения лицо Джены ярко вспыхивает. На нем появляется замешательство, как у человека, который только что лишился всех своих козырей. В эту секунду Дориан ощущает сильное желание переспать с ней. Но тогда она подумает, что он был неискренен в отношении своего намерения «поговорить». Нет, он не может испортить этот момент триумфа.

Джена что-то невнятно бормочет, а затем отворачивается. Сейчас Дориану очень сложно не улыбнуться.

– Я верю, что в сложившейся ситуации вы поведете себя как настоящий профессионал, – говорит Садлер. – Знаете, всем свойственно ошибаться.

– Да, конечно, – говорит она. – Конечно.

– Через час я буду в криокапсуле, и вы забудете об этом досадном инциденте.

Может быть, Джена и правда сможет забыть. Может, на несколько дней он останется небольшим источником смущения, а затем полностью исчезнет из ее памяти. А через две недели руководитель завода вызовет доктора в офис и спо-

койно сообщит, что она уволена.

Джена выходит, и Дориан добавляет к причине увольнения попытку склонения к интимной близости, что абсолютно неуместно для медика. В увольнительном письме Садлер сообщает, что она не должна пользоваться страховкой по случаю безработицы, иначе он обвинит ее в сексуальном домогательстве. Прибыль «Вейланд-Ютани» увеличится на ничтожную часть процентного пункта.

Дориан проверяет свой маршрут. Его следующая остановка – RB-232. Прибытие через год, начиная с сегодня. Каким бы ни был конечный пункт, он засекречен, и инструктаж пройдет уже на месте. Причина проверки – «низкая эффективность работы». Садлер читает дальше и улыбается.

На RB-232 проблемы, а это стоит миллиарды долларов.

Закрыв глаза, он глубоко вздыхает, успокаивая сердце. Увольнять ученых – веселое занятие. Они думают, что слишком умные и что никто не станет ими жертвовать. Садлер в мгновение ока разгонит их всех.

Шимпанзе снова кричит и не хочет приближаться к яйцу.

Блю Марсалис не понимает, откуда примат знает, что внутри яйца его поджидает смерть. Ее лаборанты приняли все необходимые меры, чтобы животные не видели, как оплодотворяются их сородичи. Она нетерпеливо следит за зверем, стоя по другую сторону закаленного стекла. Существует график, и его нужно придерживаться.

Она бы уредила шимпанзе, обезболила бы его, но ранее полученные в результате таких манипуляций эмбрионы были совсем не впечатляющими. Блю вспоминает рассказы мясников о том, что испуганная овца дает кислое мясо. Именно такое предпочитают лицехваты, так же как и ловцы, которые из них получают.

– Иди уже, кусок дерьма, – ругается Кембили Ооро, ее постоянный лаборант.

Кембили проводит грубой рукой по поросшей щетиной темной коже, – нервная привычка.

– Держи себя в руках, – отвечает Блю мужским голосом. Это тело ей не принадлежит.

– Мы не можем упустить момент, – объясняет она.

– Почему бы тебе просто не собраться с силами, не пойти туда и не подтолкнуть этих ублюдков друг к другу? – спрашивает Ооро. – Эти твари обычно не трогают андроидов.

Блю встает и одаривает его злым взглядом. Это уже четвертый раз на неделе, когда лаборант советует ей собраться с силами. Кембили стал серьезной проблемой с тех пор, как оказался на «Холодной кузнице» – во многом потому, что его нельзя заменить. У «Вейланд-Ютани» есть всего несколько генетиков, обладающих полномочиями для работы на секретном объекте, но даже если бы их было больше, очередная ротация экипажа состоится только в следующем году. Блю от него никуда не денется, и Кембили это знает.

– Это неуравновешенный шимпанзе, – объясняет Блю. –

Он без труда может пустить в ход шестьсот килограммов разрывной силы.

Кембили пожимает плечами, все еще наблюдая через окно за коллекцией образцов:

– Ты тоже можешь.

– Тебе когда-нибудь отрывали руки?

– Очевидно, нет, – отвечает Кембили, жуя жвачку.

– Тело Маркуса полностью оснащено болевыми рецепторами. Если ему причинят вред, я тоже это почувствую.

– Тогда не дай этому случиться, – предлагает Окоро.

Блю поднимает голову и морщит нос:

– Если я поврежу тело, то не смогу перемещаться по станции. Не похоже, чтобы нам каждый день поставляли запасных андроидов.

Сделав паузу, она добавляет:

– Я была бы признательна, если бы ты прекратил разговоры о том, что я должна «собраться с силами». Я не выбирала это тело. Мне его предоставила Компания.

– Но, похоже, тебе оно нравится, – бормочет Кембили.

– Что ты сказал? – спрашивает Блю, хотя прекрасно его слышала – ее слух улавливает даже самые легкие вибрации.

Она ненавидит Окоро за то, что он прав.

Лаборант бросает на нее взгляд, обращая внимание на светлый цвет лица, выдающийся подбородок и мужскую комплекцию. Блю уверена, что в данный момент Кембили оценивает тело Маркуса и размышляет о том, как его можно

использовать. Он не имеет права так на нее смотреть. Марсалис замечала этот взгляд и у других сотрудников станции, и поэтому ненавидит их.

На лице Кембили появляется усмешка, а затем он начинает громко смеяться.

Крик шимпанзе останавливается.

Они пропустили раскрытие яйца.

Примат бьется об землю, но лицехват уже доставляет в него свою смертельную ДНК. Шимпанзе обхватывает лапой свернувшийся вокруг шеи пожелтевший хвост, тянет его с нечеловеческой силой, но не может сдвинуть с места. Пока существо душит животное, сопротивление шимпанзе ослабевает, он ударяется о стену и падает на живот.

Все происходит очень быстро – за какие-то три вдоха.

– Черт! – кричит Кембили. – Давай!

Он ударяет по пусковой кнопке, чтобы мгновенно заморозить комнату с приматом. Струи ледяного жидкого азота заполняют пространство, мгновенно понижая температуру, а в это время Блю мчится к консоли, чтобы добраться до телехирургических систем. Она опускает руки в механические стремена, и с потолка спускается пара серебристых манипуляторов.

Используя роботизированные хирургические руки, Блю переворачивает шимпанзе на спину. Его шерсть уже покрылась кристаллами льда. Ловко переключая режимы, Кембили достает хирургический лазер и скользит горячей точкой

вниз по животу, разрезая кожу. Еще две смены режима, и появляется медицинская пила.

– Время?! – выкрикивает она.

– Двенадцать секунд, – отвечает Кембили.

Она располагает пилу напротив вскрытой грудины шимпанзе, но внезапно изображение в глазах кренится на одну сторону и застывает на месте. Сначала Блю думает, что ее телехирургическая система подвисла, так как это не первый раз, когда станция переживает отказ оборудования в середине важного эксперимента.

Но потом она испытывает тошнотворное ощущение падения, и ее голова начинает поворачиваться против ее воли. Блю сжимает руки, и в ответ пила пронзает злополучного примата, выпуская струю крови и желчи. Прежде чем замерзнуть, брызги разлетаются по металлической палубе.

– Что... за... черт?! – слышится бессвязный заикающийся крик Кембили.

Изображение перед глазами продолжает вращаться. Блю падает на колени, но пол под ней не дает ощущения направления. Гравитация все еще действует – все стилусы и планшеты остаются прочно прикрепленными к лабораторным столам, но вращение мира ускоряется.

– Дууууууу-маю... это... – начинает говорить Марсалис, но это все, на что она сейчас способна.

Один ее глаз поднимается к потолку, а другой остается на своем месте.

Лаборатория тускнеет.

Блю возвращается, и первое, что она чувствует – запах дерьма. Ее легкие не хотят наполняться воздухом. Она хватается за шлем, но пальцы отказываются подчиняться. Еще один толчок наклоняет ее вперед на кровати, и ее тут же рвет желчью.

Марсалис хватает холодный воздух, как чистую воду в жаркий день. Ее хриплый хныкающий голос поражает ее. Блю снова пытается схватиться за шлем скользкими от слюны пальцами, и на этот раз снимает его с хлопотным звуком. Она не может удержать шестифунтовую систему проводов и электродов, поэтому прижимает ее к себе, чтобы та не упала на пол.

Блю снова оказывается в своей комнате, охваченная неконтролируемой дрожью. Нейрокомпьютерный интерфейс все еще лежит на ней, испачканный рвотой. Измученная, она вытирает рот свободной рукой и снова ложится на больничную койку. В комнате темно; свет исходит только от маленького ночника в углу помещения. Она оставляет его включенным, когда передвигается в теле Маркуса. Ее настоящие глаза не смогут здесь ничего разглядеть.

Вдалеке Блю слышит приближающийся грохочущий стук сапог. Шаги тяжелые и быстрые.

– Маркус, – стонущим шепотом произносит она.

Андроид в мгновение ока выходит из-за угла и снимает

с нее нейрокомпьютерный интерфейс. Потом хватает полотенце, вытирает лицо и шею Блю, а шлем кладет рядом с кроватью. Женщина с ног до головы испачкана рвотой.

– Я в порядке, – хрипит она, но он всматривается в нее, чтобы убедиться наверняка.

– Блю, я включу свет, – говорит он нежным голосом. – Ты готова?

Она закрывает глаза и кивает. Сквозь ее веки проникает красный свет, а на лоб ложится теплая рука.

– Боюсь, у нас проблемы, – сообщает Маркус. – Ты можешь открыть глаза?

Блю открывает глаза, и потоки света от ярких потолочных светильников пронзают ее мозг, словно осколки стекла. Маркус наклоняется к кровати и пристально всматривается ей в глаза, не беспокоясь о липкой мерзости, касающейся его одежды.

Он красивый, но не привлекательный – ясные изумрудно-зеленые глаза, высокие скулы, переходящие в крепкий подбородок. Его светлые волнистые волосы над слегка нахмуренными бровями отражают свет. Когда Маркус приближается, Блю надеется почувствовать на своем лице его дыхание, хотя знает, что он не дышит.

– Реакция зрачков нормальная, – говорит он, нажимая двумя пальцами на ее шею. – Пульс сто двенадцать.

– Воды, – хрипит Блю, облизав губы.

Андроид наполняет чашку и передает ей:

– Кажется, сегодня мы достаточно поработали.

Она избавляется от горечи во рту и проглатывает воду. Часть жидкости стекает по подбородку, но это не имеет значения. В любом случае Маркусу придется обтирать ее губкой.

– Что произошло?

– Потеря беспроводной связи. Возможно, из-за солнечной вспышки, – объясняет он. – Ты синхронизировалась только с двумя моими системами, и баланс нарушился значительным...

Блю качает головой:

– Образец шестьдесят три... Кембили...

– Мне очень жаль, но это провал, – говорит Маркус. – Мы потеряли образец.

Марсалис снова закрывает глаза:

– Черт.

Маркус берет гарнитуру интерфейса и приступает к чистке. Потом останавливается и смотрит на живот Блю.

– Ты сместила мешок, – говорит он. – Возможно, это случилось во время приступа, вызванного отключением связи.

По крайней мере, ее катетер не вывалился наружу. Она помнит то время, когда ей не нужны были калоприемники. Помнит пиццу и пиво по пятницам. Помнит, что любила бегать под музыку Джона Хопкинса. До диагноза у нее была жизнь – путь, который должен был удерживать ее на Земле.²

² Джонатан Джулиан «Джон» Хопкинс – английский музыкальный продюсер,

Блю не смотрит вниз, на свое тело. Она не хочет видеть результат.

– Почисти его, пожалуйста.

– Сейчас, – отвечает Маркус, наполняя чашку теплой водой с несколькими каплями дезинфицирующего средства.

Андроид снимает испорченный мешок и очищает от содержимого. Затем он осторожно вытирает область вокруг живота Блю, и на его лице появляется болезненное выражение.

– Что? – говорит она, зная: он запрограммирован изображать подобную гримасу, чтобы сообщать плохие новости.

– Блю, я думаю, тебе стоит подумать о том, чтобы исключить пероральное питание, – говорит Маркус. – Меня беспокоят спазмы гортани.

Режим *Nil-per-os* – «Ничего через рот». Блю выдвигает вперед подбородок и понимает, что в этой гримасе есть что-то от ее угрюмой бабушки.

– Я не откажусь от проклятого «Джелло», Маркус.³

– Тогда подумай о том... – начинает он, но делает паузу, притворяясь, что задумался.

Маркус уже определил следующую тысячу возможных разговоров, и Блю знает, что он делает паузу исключительно для драматического эффекта.

музыкант, диджей, который исполняет танцевальную и фоновую электронную музыку.

³ «Джелло» – фирменное название концентрата желе.

– Подумай о возвращении на Землю. Ты можешь оставаться в криогенном сне, а если тебе это не по нраву, Земля оказывает отличную паллиативную помощь. Я не считаю, что человеку полезно тратить свое уходящее время на разработку оружия.

Блю ворчит, пока он пытается заботиться о ней. Ее стома изменила форму из-за постоянного пребывания в постели, а область вокруг немного покраснела. Он прав насчет режима, исключаящего пероральное питание, но она не позволит этому случиться. Только не сейчас.

– Уходящее время? Боже, ты говоришь так, будто цитируешь какую-то древнюю поэзию. Вальтер или что-то в этом роде. У тебя не найдется для меня Уильяма Карлоса Уильямса?⁴

Он смущенно смотрит на нее:

– Я не хотел этого.

Осторожно сняв больничную рубашку с изможденных рук, он начинает обтирать Блю. Когда-то она так гордилась своим телом. Телом, которым поделилась с таким множеством людей.

– К тому же, – продолжает Марсалис, – ты – собственность Компании, а я – главный актив. Получается, ты должен убеждать меня остаться, а не улетать.

Маркус прикрепляет к ее животу еще один мешок и с доб-

⁴ Уильям Карлос Уильямс (1883–1963) – один из крупнейших поэтов-авангардистов США, лауреат Пулитцеровской премии в области поэзии.

рой улыбкой затягивает крепеж. Затем меняет ее грязную рубашку на чистую.

– Прежде всего я запрограммирован обеспечивать твою безопасность.

Блю поднимает дрожащую руку с уже атрофировавшимися мышцами и касается его щеки.

– А что ты будешь делать, если безопасность – не вариант?

– Буду тебя радовать.

– Я ученый, – говорит она. – И счастлива больше всего, когда выполняю свою работу, – с этими словами Блю слегка похлопывает его по лбу. – Вот этим местом.

Потом она снова вытягивает руку вдоль тела.

– Во всяком случае, поставки не будет еще шесть месяцев. Каким образом, по-твоему, я должна вернуться?

– Мы могли бы тебя заморозить. Дождаться транспорта. Ты бы проснулась дома, будто времени совсем и не прошло. И ты ошибаешься, если полагаешь, что транспорта нет. Командер разрешил сообщить, что через три недели с нами состыкуется аудитор.

– Что?

Блю бы села, если бы ее брюшные мышцы так не болели.

– Прошу прощения, – говорит Маркус. – До сих пор мне не было позволено разглашать данную информацию. Меня волнует количество стресса, которое ты пережила.

– Зачем сюда направляется аудитор?

– Мне не сказали. Уверен, ничего серьезного, но они,

должно быть, обеспокоены медленным прогрессом на «Холодной кузнице». Несколько проектов отстают от графика.

– И мой в том числе.

– А еще «Серебряная улыбка», – говорит Маркус. – Я уверен, что вы не единственные...

Блю качает головой:

– Дай мне мой портативный терминал и убирайся.

Маркус берет терминал, кладет его перед ней и без лишних церемоний уходит. Глядя на открытый портал, Блю ждет, когда закроется дверь, и она останется в безопасности. Затем разворачивает клавиатуру, ставит терминал на живот и подключается к цифровому тайнику. Ей не следует пользоваться им слишком часто, так как чересчур большое количество исходящих от станции сигналов опасно. Однако приезд аудитора почему-то вызывает мурашки на ее коже.⁵

Они не знают, что Блю делала с образцами яиц. «Вейланд-Ютани» наняла ее, чтобы найти способ контролировать странных чудовищ и воздействовать на их ДНК еще в утробе. На Земле она была одним из ведущих генетиков планеты. Но теперь, вдали от дома, увидев рекомбинантную ДНК существ, не чувствует ничего, кроме надежды.

Впервые это стало очевидным в момент оплодотворения. Мимолетная теплота молекулярного изменения вспыхнула в пищевode шимпанзе. Не личинка или червь, а набор сложных химических реакций, которые выходили за пределы то-

⁵ Цифровой тайник – автономная сеть передачи цифровых данных.

го, что когда-либо видел человек.

«Вейланд-Ютани» хочет существо, но Блю жаждет получить генетический код. Она уверена, что в нем она найдет ключ к собственному выживанию. Однако поймать момент впрыскивания – все равно что фотографу пытаться запечатлеть секунду, когда зимородок входит в воду, и его клюв встречается с зеркальной поверхностью. Она могла провести десять лет за работой и потратить сотню яиц, не получив никаких результатов.

Беда в том, что у Блю нет ни сотни яиц, ни десятилетия. Последний врач сообщил, что ей осталось меньше года жизни. Потом последняя из мышц атрофируется, она перестанет дышать сама, нервная система будет поражена склеротическими тканями, а невропатия одолеет ноги.

Блю выбрасывает из головы этот образ. Она не хочет думать об этом, но приезд аудитора не дает ей покоя.

В ее руках загружается терминал, и она вводит пароль. Фраза не такая длинная, как хотелось бы, но и ее мышечная память уже не такая, как прежде. Она никогда не подключалась к терминалу, находясь внутри тела Маркуса, – он бы точно запомнил пароль. Ко всему прочему, ей не позволяли пользоваться камерой, поэтому она не могла сфотографировать пароль.

Проверив свой почтовый ящик, она находит сообщение от старого школьного друга с прикрепленной фотографией матери Блю, которая умерла десять лет назад. На фото Марса-

лис обнимает свою мать и улыбается. На заднем плане видны яркие зеленые деревья, а справа простирается поле с зерновыми культурами.

Отправивший фотографию друг является независимым контрагентом. Он получает приказы посредника, который в свою очередь принимает их от Элиз Кото, одной из ста двенадцати вице-президентов «Вейланд-Ютани». Если Блю поймают, ее контракт тут же закончится без права на возвращение домой. Ей будет позволено находиться на станции, но без доступа к криокапсуле.

Это ее убьет.

Блю снимает свой медицинский браслет и со щелчком открывает циферблат с микроинтерфейсным магистральным соединением. Она подключает браслет, функционирующий как одноразовый цифровой шифр Вернама. Фотография ее матери – изображение A227-B, а скрытые внутри пиксели – двадцать семь точных степеней яркости, которых достаточно для алфавита и некоторого интервала. Программа шифрования отображает восемьсот релевантных пикселей и переводит их.⁶

Сердце Блю сжимается, когда она читает сообщение:

**НУЖНЫ РЕЗУЛЬТАТЫ
НЕ МОГУ БОЛЬШЕ НАС ПОКРЫВАТЬ**

⁶ Шифр Вернама – система симметричного шифрования, изобретенная в 1917 г. сотрудником AT&T Гилбертом Вернамом. Шифр является разновидностью криптосистемы одноразовых блокнотов.

УДАЧИ

2. Прибытие

Электрополяризационная пленка иллюминатора затуманивает открывающийся перед Дорианом вид приближающейся RB-232. Станция напоминает штангу, поставленную на фоне огненного моря. Как явствует из брифинга, на одной из ее сторон находится жилой отсек, а на другой располагается пункт сбора и обработки секретной информации с особым режимом хранения, или ПСиОСИ. Свет Кауфмана, светила системы, создает вокруг станции зловещее гало. Мозг Дориана быстро проводит параллель между оттенками соединяющихся веществ и масляными красками в этюднике.

Гало также обеспечивает станции идеальный камуфляж.

Отложив секретные отчеты по RB-232, известной как «Холодная кузница», Дориан с жадностью выпивает еще одну бутылку соленого дерьма, которое обычно дают после пробуждения от криогенного сна. Он привык к этому вкусу, потому что любит крио. С каждым путешествием Садлер все больше отдаляется от родителей, друзей детства, и своей жизни в Бостоне. Это уже двадцатый полет.

С каждым билетом он все дальше и дальше отодвигает свое прошлое.

Он бы хотел нарисовать транзитную станцию, но это слишком просто – обычная тень на оранжевом фоне. Дориан задается вопросом, как бы она выглядела, если бы теплоза-

щита вышла из строя, а коридоры и балки в течение секунды попали бы под действие сильного излучения. Как бы станция выглядела изнутри? Он проводит следующий час делая наброски и наслаждаясь резким контрастом черного на белом, созданным с помощью карандашей Конте.⁷

– Стыковка через пятнадцать минут, шеф, – объявляет через громкоговоритель Кен Райли, капитан «Афинянина».

Дориан скучает по своей комнате на Луне. Вот *это* был пейзаж. Здесь у него только криосон и общественные туалеты. На этом корабле даже нет человека, с которым можно было бы развлечься в постели. Он единственный, от кого не зависит функционирование транспорта. Райли управляет кораблем, Сьюзен Спитери – второй пилот, Монтрелл Лупия отвечает за связь и навигацию. Все они выступают службой безопасности Дориана, пока тот выполняет свой аудит. Он никогда не нуждался в их услугах, но ему часто приходится посещать удаленные районы и доставлять туда очень плохие новости. В глубине души он надеется, что однажды увидит, как Спитери кого-нибудь пристрелит.

Это хоть было бы забавно.

Пока экипаж усердно пытается подготовить крошечное судно к стыковке, Дориан бездельничает в комнате отдыха. Он достает этюдник и любуется своей картиной, разминая

⁷ Карандаш Конте – группа художественных материалов на основе искусственного графита, применяемых в графике и живописи. Чаще всего выпускается в виде мелков или карандашей.

кости после долгого сна. Иногда он думает, что надо было стать художником, но если бы он выбрал этот путь, то ему бы не удалось продлить свою жизнь с помощью постоянного пребывания в криогенной капсуле.

Согласно отчетам, на борту станции находятся тридцать два человека. Они участвуют в трех специальных проектах, два из которых отстают от графика. Один из них называется «Блестящее Сооружение», и он испытывает нехватку средств и обеспечения. Поскольку документы отредактированы, Дориан не знает, что это такое и в чем заключается задача проекта, – похоже, какая-то скучная работа по генетике.

Он добавляет последний штрих своему рисунку – границы RB-232, пронизанные настойчивыми лучами звезды. Внезапно судно дергается, и его рука теряет хватку. С поверхности бристольского картона на него смотрит толстая неаккуратная линия. Дориан только начал изучать технику изображения форм, но до этого дефекта рисунок однозначно выглядел лучше. Кипя от ярости, Дориан скрипит зубами и раздраженно заштриховывает картину, портя кончик карандаша. Затем он сминает бумагу и бросает ее вместе с карандашом в мусоросжигательную печь.

Будет сложно добраться до художественного магазина, находясь за десять парсеков от Земли, но он что-нибудь придумает. У него еще осталось много тюбиков с масляной краской.

– Шлюз закреплен, сэр, – информирует Кен. – Мы состо-

ковались.

– Мягкая посадка, капитан, – говорит Дориан.

– Благодарю вас, сэр.

Капитан не понял сарказма, и Дориан сожалеет о том, что не добавил в свой тон больше яда.

Садлер идет в уборную для экипажа и моет руки, после чего вытирает их белым полотенцем, размазывая по ткани черный уголь. Подойдя к зеркалу, он завязывает многослойный галстучный узел, которому позавидовал бы даже председатель совета директоров «Вей-Ю» Ван Левен. Расправив квадратные плечи, он долгое время смотрит на свое отражение. Дориан расчесывается, приглаживает волосы с помощью какого-то средства и удостоверяется, что восходящий изгиб его щеки перетекает прямо в линию прически.

– Сэр? – голос Кена снова слышится через интерком. – Они ждут встречи с нами в ближайшее время.

– Они могут подождать, капитан, – отвечает Дориан, приглаживая одну непослушную прядь. – Мы были в пути целый год. Они проживут без нас еще пять минут.

– Понял.

Это самый уклончивый ответ, который только можно дать на корабле.

Кен, Монтрелл и Сьюзен проходят мимо уборных и направляются в общую зону, где они обычно рассказывают анекдоты и пьют пиво. Несмотря на недавний провал Кена, Дориан любит их. Они никогда не задают лишних вопро-

сов, держат его в курсе всех событий и перебрасывают туда, где требуется проверка. Они не пытаются сделать его частью своей «семьи». Семью нельзя оценить в денежном эквиваленте.

Приводя себя в порядок, Садлер размышляет о том, когда в последний раз персонал RB-232 видел костюм. Должно быть, это было во время старта с Земли или на каком-то торжестве по случаю присвоения званий. Одежда местных устарела как минимум на пять лет, и Дориан очень хочет увидеть их реакцию. Теперь, когда он доволен своим внешним видом, Дориан присоединяется к своим товарищам в шлюзе.

Они с нетерпением ждут момента, когда выберутся из «Афинянина» и исследуют новую, хотя и временную среду обитания. Ему это нравится. Помощники сообщат ему о любых имеющих значение происшествиях, и тогда он сможет устранить виновных.

Слышится вой сирен. Вокруг шлюза вспыхивают желтые купольные огни, и двери открываются в просторный, пусть и пустой стыковочный отсек. Перед ним в центре палубы стоят малочисленные жители RB-232, слабая пародия на воинскую часть. Они прислоняются к контейнерам и сидят на полу, скрестив ноги. В следующее мгновение люди поднимаются. Глаза Дориана разделяют их на группы по три человека, после чего он подсчитывает общее количество: восемнадцать человек. Это означает, что четверо из персонала воздержались и не стали его встречать. Он позаботится о том,

чтобы запомнить лица и имена тех, кто присутствует.

Группа тусклых синих мигающих светодиодов протягивается по полу, вырываясь из шлюза вниз по центральной стойке. Возможно, это навигационная система? Дориан смотрит влево, пытаясь понять, сможет ли он проследить их путь, но ему не видно конца длинного коридора, поэтому он возвращает свое внимание к собравшейся команде.

В центре группы, словно непробиваемый заслон, стоят мужчина и женщина. Они ветераны, и Садлер уже знает, что они скажут, когда заговорят.

– Добро пожаловать в «Холодную кузницу». Я командер Дэниел Кардозо, а это Энн Векслер, глава службы безопасности.

Экс-военные всегда говорят первыми. Любят строить из себя важных шишек, но на самом деле в центре открытого космоса они совершенно бесполезны. RB-232 окутана множеством секретов. Говорят, что это темная тайна самой темной тайны. Никто не станет нападать на них. Они, наверное, создают здесь вирусы, а вирус не пристрелишь.

Кардозо старше и враждебнее остальных, и у него загорелая кожа. Вероятно, он повидал вооруженные конфликты и теперь наслаждается днями, оставшимися до выхода на пенсию. Энн – ровесница Дориана, спокойная, похоже, неконфликтная. Ей, должно быть, скучно. Дориан надеется, что это так. Скучающие люди склонны к необдуманным поступкам.

– Коммандер. Энн.

Дориан пожимает руки по очереди.

– Директор, – начинает Энн. – Мои данные могли устареть... Вы получили необходимую подготовку по безопасности? Допуск к работе с опасными веществами? Инструкции по сохранности материалов, использованию спасательного челнока, а также все необходимые коды?

«У меня есть чертов собственный космический корабль, женщина». Ничто не раздражает Дориана больше, чем все бессмысленные представления, которые он должен терпеть при каждой новой стыковке. Огромное количество времени тратится впустую только для того, чтобы он запомнил коды, которые никогда ему не пригодятся.

– Безусловно, – отвечает он. – Я не знаю, почему вы не получили эту информацию.

Энн кивает, но больше не продолжает разговор на эту тему. Она знает, что Дориан Садлер – слишком важная персона для такой ерунды.

– Вам известно назначение нашей станции? – спрашивает Кардозо.

– Я прочитал несколько отчетов. Картер Бёрк хотел начать специальный проект, но Совет по управлению не был уверен, что он способен тщательно его выполнить. – «Слишком тяжелая задача для младшего руководителя», – прочитал он между строк. – Значит, это резервная копия его проекта?

– Да, – соглашается Дэниел. – Я слышал, что он доволь-

но далек от этого. Вам известно, добился ли он каких-то результатов?

– Понятия не имею, – говорит Дориан. – Это другой отдел.

Кардозо показывает рукой на трех человек – двух мужчин и женщину:

– Это наши ведущие специалисты: Блю Марсалис, Джозеп Янош и Люси Билтмор.

Судя по внешности, Янош занимается спортом. Дориан в первую очередь крепко пожимает руку этому мужчине, при этом стараясь незаметно выпятить грудь. Джозеп носит усы и очевидно любимую одежду, так как она уже изрядно поношена. Дориан решает, что Янош будет его утренним партнером по тренировкам. Возможно, Энн тоже захочет к ним присоединиться.

Следующая на очереди – Билтмор. Она застенчивая и неинтересная, с каким-то коровьим взглядом, который Дориан на дух не переносит. Садлер в душе надеется, что ее нужно будет убрать со станции. Она выглядит как ребенок, одетый в летный костюм взрослого человека. Он сердечно здоровается с ней и отходит настолько быстро, насколько это приемлемо с точки зрения приличий.

Как только Садлер добирается до Марсалис, то тут же останавливается и замирает. Волнистые светлые волосы, искусственно привлекательные черты. Он сразу узнает синтета.

– Разве вы не Маркус? – спрашивает Дориан.

Рот Маркуса расплывается в стандартной вежливой улыб-

ке. Этот вопрос вызвал в андроиде восхитительное раздражение, которое Дориан никогда не испытывал. Он напоминает себе, что наравне с приветливыми, почти восторженными манерами, нужно держать и сердечное рукопожатие.

– Я часто бываю в его теле, – шевелит тонкими губами Марсалис, пожимая руку. – Я человек, пилотирующий андроида. Мое настоящее тело находится в жилом отсеке.

– Это невероятно.

Пока андроид стоит неподвижно, Дориан обходит его, с ухмылкой осматривая со всех сторон.

– Что ж, Блю, я директор Садлер.

– Рада познакомиться, мистер Садлер.

Значит, Блю Марсалис станет той частью, которая не впишется в схему Дориана.

– Пожалуйста, называйте меня просто «директор», по крайней мере, пока мы не узнаем друг друга лучше, – просит Дориан и сжимает губы.

Марсалис усмехается и с сарказмом смотрит на Кардозо. Дориан никогда раньше не видел такого выражения на синтетическом лице.

– Я не знала, что в наши дни на Земле «директор» является почетным титулом, – говорит Марсалис, скрестив руки на груди. – Понимаете... мистер, миссис, мисс, доктор... Директор.

Дориан оглядывается, наблюдая за реакцией экипажа. Они боятся аудитора, но им нравится комментарий Марса-

лис. Может быть, у него получится сделать из нее грубиянку. Он качает головой, нахмурившись:

– Я удивлен, что вас это так сильно беспокоит, мистер Марсалис. Или как? Мисс Марсалис? А может, я должен называть вас просто Блю?

– Извините, – говорит Марсалис, снова протягивая руку. – Вы можете называть меня «*доктор* Марсалис»... по крайней мере, пока мы не узнаем друг друга лучше.

Дориан смеется, чтобы скрыть свое раздражение. Слова Марсалис и откровенное пренебрежение авторитетом аудитора можно сравнить с иглой, которую прижимают к мягким тканям под его ногтем. Однако если он уволит Блю, это будет слишком простой мстью. В этом случае он окажется слабым.

Но он *все равно* ее уволит.

– Я уверен, вы хотели бы увидеть жилой отсек, директор Садлер, – говорит Кардозо. – Возможно, вы захотите устроиться, а затем...

– Глупости, Дэниел, – перебивает Дориан. – Давайте начинать. Я уже и так выспался. Покажите мне ваши проекты.

– Тогда позвольте продемонстрировать вам то, чем мы тут занимаемся, – говорит капитан. – Навигация, проложи путь в ПСиОСИ, – продолжает Кардозо, не обращаясь к кому-то конкретному.

В коридоре раздается короткий звон. Огни вдоль пола меняют направление, убегая прочь голубым потоком. Дориан

вытягивает шею и следует дальше по новому пути.

– Пока вы здесь, это поможет вам перемещаться по станции, особенно в ПСиОСИ, – объясняет Кардозо. – Вы даже представить не можете, насколько здесь извилистые ходы. Некоторые из модулей были разработаны для содержания заключенных.

– Мило, – говорит Дориан. – А у вас что, есть заключенные?

Кардозо изображает кривую улыбку:

– Да, есть. Пойдемте, поздороваемся.

Идея создания пункта безопасного хранения информации на секретной космической станции за десять парсеков от Земли – это уже перегиб. Что такого они скрывают, что до сих пор не окутано излучением Кауфманна?

Центральная стойка тянется не меньше, чем на половину мили, и по всей ее длине располагаются разъемы для дополнительных сборных модулей. У нее имеется еще одна точная копия, и это не может не радовать. Глядя в окна слева от себя, Дориан видит теплозащитный экран, спасающий от лучей находящейся под ними карликовой звезды. Пластины обшивки станции соединены шарнирами – неужели их можно двигать? RB-232 явно создана с целью расширения, но почему-то до сих пор пустует, за исключением двух концов. Деньги на ветер. Космическая станция должна кишеть сотрудниками и дополнительными жилыми модулями с персо-

налом.

Но это не его главная цель. Аудиторы получают небольшую выгоду от выявления утраченных возможностей. Это может стоить немалых денег, а его задача – *сокращать* расходы.

– Почему вы называете станцию «Холодной кузницей?» – спрашивает Дориан, шагая рядом с тремя руководителями проекта и несколькими сотрудниками.

Их сопровождают Кен, Сьюзен и Монтрелл.

– Потому что станция посвящена производству адаптивного и биологического оружия, а также оружия с искусственным интеллектом и программным обеспечением, – отвечает Энн, и ее уверенный голос проносится через центральную стойку. – RB-232 напоминает древние кузницы, где ковали мечи. Мы не производим здесь корабельную артиллерию, ракеты или импульсные винтовки. Тем не менее мы побеждаем в войнах.

– Понятно, – Дориан мальчишески улыбается, притворяясь очарованным, потому что он сомневается, что Энн в своей жизни хоть кого-то очаровала.

– Как вы видите по надстройке, с одной стороны находится пункт сбора и обработки секретной информации, а с другой – экипажный отсек, – говорит Энн. – ПСиОСИ виброизолирован и имеет полную физическую изоляцию. Данные не поступают и не отправляются, пока их не проверят наши официальные каналы. Это означает, что во время постав-

ки снабжения мы можем полностью перекрыть поступление и передачу информации.⁸

Они проходят через стеклянную дверь. Дориан смотрит внутрь и видит мигающие огни серверных стоек. В центре круглого помещения в ожидании стоит консоль с потухшим экраном.

– Это «Титус», – говорит Кардозо. – Он поможет провести аудит ваших секретных непроектных данных. Вы читали руководство по определению грифа секретности для RB-232?

– Да, командер, – отвечает Дориан.

Мужчина даже выпрямляется – уже давно никто не обращался к нему по званию.

– Но мне нужно будет сделать подсчеты по всем трем проектам, и понадобятся кое-какие сведения.

– Я сомневаюсь, что вы сможете увидеть мой проект полностью, – протестует Марсалис, и его (ее?) глаза рассеянно смотрят на потолок, словно подсчитывая перекладки. – Уверена, вы поймете. Есть некоторые аспекты, которые недоступны для действующих руководителей подразделений, поэтому обычный директор...

Дориан останавливается и прищуривается:

– Я думаю, вы увидите, что я не «обычный» директор, доктор Марсалис. Я облечен полным доверием старшего ви-

⁸ Физическая изоляция – одна из мер обеспечения информационной безопасности, которая заключается в том, что безопасная компьютерная сеть физически изолирована от небезопасных сетей: Интернета и локальных сетей с низким уровнем безопасности.

це-президента, и пока я на станции, у меня есть доступ ко всем уровням секретности, со всеми паролями, – высокомерно отвечает он. – И раз мы затронули эту тему... Как... *именно...* вы заходите в ПСиОСИ, чтобы работать над своим проектом?

– Я не совсем вас понимаю, – говорит Марсалис.

Садлер направляется к доктору, и его длинные птичьи ноги всего за два шага сокращают между ними расстояние. Он машет рукой над головой андроида, и Блю отступает.

– На этой марионетке нет веревочки, – говорит Дориан. – Вы – ходячий беспроводной передатчик.

Он поворачивается к Энн и усмехается, будто они разделяют шутку. Однако в глубине души Дориан не считает это забавным. Он уже видит одно из самых больших злоупотреблений бюджетом на RB-232.

– Так зачем тогда мы построили многомиллиардный ПСиОСИ, если внутри него функционирует радиосвязь?

– Мои средства связи защищены, – убеждает Марсалис, – к тому же я получила специальное разрешение от Элиз Кото.

– Кото – вице-президент «Генетик Интерестс», и она настояла, чтобы Блю работала здесь, несмотря на свои... трудности, – добавляет Энн в защиту ученой. – Доктор Марсалис – ведущий научный сотрудник в своей области.

Дориан настораживается. За прекрасным синтетическим мужским лицом скрывается женщина. Его сердце трепещет. Он никогда не встречал человека, подобного Блю. Кардозо –

морпех. Энн – начинающий морпех. Люси – шутка природы. Янош – ботаник. Но Блю Марсалис – это что-то неизведанное. Как ощущает себя человек, который живет в теле андроида? Когда она представляет зеркало, она видит в нем Маркуса или собственное лицо? Это болезнь так ее сломала? Он хочет ткнуть в нее иголкой, чтобы увидеть, какого цвета ее кровь.

– Тогда, я думаю, мы увидим нечто потрясающее, раз уж Компания сделала для вас особое исключение? – предполагает Дориан.

– Да, так и есть, – говорит Кардозо. – Вашей команде придется насладиться нашим жилым отсеком. Я не получал насчет них никаких указаний, поэтому ваши люди должны остаться здесь.

Кардозо серьезно смотрит на трио с «Афинянина»:

– Это все, что вам нужно знать.

Дориан кивает Кену, который радостно отступает. Остальные следуют за ним. В любом случае, Кена не заботит это бизнес-дерьмо, и он даже не потрудился это скрыть. Дориан никогда не думал о том, что они делают со своим свободным временем, которого у них более чем достаточно. Они могут хоть на стену любоваться, ему все равно. Они нужны только для перевозки или в качестве подкрепления.

Экипаж «Афинянина» исчезает в недрах станции, и тогда Кардозо отдает своим людям распоряжение следовать за гостем и показать тому станцию.

Дойдя до конца центральной стойки, они попадают в выгородку из сетки-рабицы. Коридор начинает уходить все ниже и ниже и заканчивается переборкой; чтобы пройти дальше, нужны код и ключ, а кроме того, дверь оборудована системой считывания биометрических параметров. Дверной проем окружают желтые предупреждающие полосы, а многочисленные камеры записывают все происходящее со всех возможных сторон. Когда Дориан оглядывается на огороженный коридор, то замечает блестящие черные автоматические орудия.

– Для чего они? – интересуется Садлер, кивая на пушки. – На станции злоумышленники?

– Мы называем эту зону «смертельным боксом», – говорит Энн. – Двухсотфутовый суженный коридор с радиопрозрачными огороженными стенами. За нами находится аварийный клапан. Если кто-то или что-то попытается отсюда выбраться, мы откроем огонь безгильзовыми патронами калибра десять на двадцать четыре.

– Выбраться отсюда? – повторяет Дориан. – Так что, у нас будет система распознавания «свой-чужой»?

– Нет, – объясняет Блю. – Этим пушкам все равно, друг вы или враг. Если вы оказались в «смертельном боксе», и они вас замечают, то всё, вы – труп. Мы не можем рисковать тем, чтобы из лабораторий что-нибудь вынесли.

Кардозо оборачивается, сложив руки за спиной:

– Директор Садлер, все, что вы увидите – секретная

информация. Вы не имеете права экспортировать данные с этой станции без разрешения экспортного контроля – меня и Энн. Вам запрещено разглашать информацию третьим лицам, включая тех, кто обладает разрешением «Вейланд-Ютани». За несоблюдение правил, указанных в пункте шесть раздела «В» вашего трудового договора, предусматривается наложение гражданской и уголовной ответственности. Я ясно выразился?

– Это те же условия, с которыми я сталкиваюсь на каждой станции, командер, – отвечает Дориан. – Думаю, я справлюсь.

Дэниел ухмыляется:

– Интересно, что вы скажете, когда увидите, что находится внутри. Открывай, Векслер.

Энн и Дэниел вводят коды, сканируют руки и лица и, вставив в замки по ключу, одновременно их поворачивают. Дверь ПСиОСИ с шипением задвигается в гнездо. Дэниел приглашает всех внутрь, и когда они перешагивают через порог, Дориан замечает, что толщина переборки составляет почти пол-ярда. Протаранить ее невозможно.

Перед ними простирается общая зона ПСиОСИ – открытая структура высотой в три этажа, наверху которой находится закрытый стеклянный центр управления. Энн проводит Дориана внутрь, и остальные члены команды «Холодной кузницы» также следуют за ними.

– ПСиОСИ – это сто тридцать тысяч квадратных футов

специализированных лабораторий, серверов и рабочих станций. Он предназначен для того, чтобы ученые могли работать сообща, и чтобы весь персонал имел возможность перемещаться между проектами. Не обращайте внимания на компактные размеры – на самом деле здесь полмили коридоров, соединяющих сотни крошечных комнат.

– Впечатляет, – говорит Дориан. – Похоже, вашей службе безопасности есть чем заняться. А это что? – он указывает на застекленный центр управления.

– Это «Джуно», интерфейс сервера искусственного интеллекта, – объясняет Дэниел. – Она будет помогать вам изнутри ПСиОСИ. Любой запрос в пункт сбора информации проходит через нее. «Титус» – это полный контроль над станцией. «Джуно» создана для секретных материалов.

Дориан ухмыляется:

– Вы же не серьезно?

Кардозо пожимает плечами:

– Вы же не настолько глупы, чтобы не запомнить разницу?

Сначала его знакомят с проектом под названием «Розовой орел», который возглавляет Джозеп Янош. «Розовый орел» – это своего рода реактор и фокусирующаяся антенная решетка. Они объясняют, что с помощью этого оборудования можно перехватывать зашифрованную радиосвязь и вводить информацию. При этих словах Дориан «отключается». Джозеп обладает особой манерой разговаривать, что делает его технические объяснения просто невыносимыми: он заканчива-

ет каждое предложение с восходящей интонацией, будто это вопрос. Каждый раз, когда он это делает, Дориан начинает злиться.

Но он уже знает, что «Розовый орел» не имеет значения. Этот проект идет по плану и будет доставлен в бункер в Западной Вирджинии во время следующей ротации экипажа. Когда это произойдет, Джозеп вернется домой, возьмет отпуск на год и отправится в поход по Аппалачской тропе. У него нет уязвимых мест, поэтому Дориан теряет к нему всякий интерес. Нет ничего более скучного, чем проект, реализованный в соответствии с планом.

Далее следует «Серебряная улыбка» – вирус нейронной сети. В отличие от «Розового орла» и «Блестящего сооружения», его название, составленное из пары случайно выбранных слов, звучит зловеще, словно какой-то бренд. Используя принтеры, Люси Билтмор сделала нашивку и логотип, которыми поделилась со своими лаборантами. Она использовала свой словесный товарный знак во всей операционной системе.

В номенклатуре этого диграфа имеется некая ирония – секретные специалисты «Вейланд-Ютани» должны выбирать для своих проектов названия, не имеющие известных ассоциаций, но Люси так не сделала. Если в тот момент она бы ввела в действие код вооружения, у противников не возникло бы проблем отследить, что данный проект ведет к RB-232. Дориан наблюдает за тощей женщиной с мультяш-

но большими глазами, крупным ртом и растрепанной короткой стрижкой. Он с нетерпением ждет подходящего момента, чтобы сделать выговор за эту вопиющую оплошность.

Предчувствуя прибытие Дориана, Люси подготовила презентацию, рассказав обо всех преимуществах, а также представила графики, в которых оказалось очень много ключевых пунктов. Она показала видео сдвигающимся изображением, демонстрирующим эффекты «Серебряной улыбки» в компьютерной сети. Метод прост: вирус использует любую найденную связь, чтобы заразить другие компьютеры, а затем прочно связывает систему распределенной обработки данных. Чем больше компьютеров он заражает, тем умнее становится. Как только вирус чувствует уверенность, он интуитивно определяет самую уязвимую инфраструктуру и сразу атакует ее. Это может быть гидротурбина или система жизнеобеспечения.

– Но мы пишем программу таким образом, чтобы вирус был ограничен одним местом, потому что, знаете...

Люси прерывается, когда на экране появляется сообщение:

КАКИЕ-НИБУДЬ ВОПРОСЫ?

– Просветите меня, – говорит Дориан.

Под его взглядом Люси начинает испытывать дискомфорт. Она боится потерять финансирование.

– Это будет похоже на Апокалипсис, – нервно смеется Билтмор. – Он бы продолжал распространяться до тех пор, по-

ка не уничтожил бы все системы, которые умнее его.

Дориан складывает руки за спиной:

– А... разве на данный момент большинство систем не умнее? В чем причина всех задержек?

– Информатика – это процесс решения нерешенных проблем, – говорит девушка, прижимая руки к груди и стискивая пальцы, словно выжимает губку для мытья посуды.

– Знаете, я думаю, что будет непросто определить точную дату выпуска...

Он слушает этот треп. Ее ответы расплывчаты и невняты. Другие руководители проектов уже давно предоставили коды. Даже ее растущая паника неинтересна – это похоже на игру без соперника.

– Вы из того Билтмора, что в Северной Каролине? – спрашивает он, прерывая нить вокализованных пауз. – Ну, знаете, там есть большое поместье?⁹

Она улыбается чрезмерно зубастым ртом с пухлыми губами:

– Я... не знаю.

Дориан пожимает плечами:

– Хорошо. Просто любопытно.

Он отворачивается от Люси:

– Следующий проект.

⁹ Поместье «Билтмор» – жилой комплекс и туристическая достопримечательность, находящаяся в городе Эшвилл, штат Северная Каролина, США.

3. Питомники

Они уходят по коридорам прочь из общей зоны. Аварийное освещение здесь неприятно яркое, а пол и стены обработаны каким-то полимерным покрытием. Группа приближается к повороту, и перед ней открывается огромная дверь хранилища, покрытая предупреждающими табличками о биологической опасности.

Дориан собирает все свое самообладание в кулак, чтобы не закатить глаза. В космосе легко контролировать генетическое оружие – вирус не может распространиться в безвоздушном пространстве. Даже если действие пойдет по худшему сценарию, и все люди в исследовательском центре заразятся и умрут, вирус все равно ограничится пределами станции. К тому же они изолировали «Блестящее сооружение», в том числе и от остальной части ПСиОСИ.

В дело снова идут ключи и коды. На этот раз Блю использует собственные пароли и биометрические данные. Слышится громкий гудок, и из интеркома раздается компьютеризированный голос:

– Питомники открыты. Доступ авторизован, доктор Блю Марсалис.

– «Джуно» особенно тщательно следит за этим местом, – говорит Энн.

Зона, находящаяся за пределами коридора, освещена яр-

ким желто-зеленым светом. Если в большей части станции находятся открытые трубы и воздуховоды, «Блестящее сооружение» располагает только голыми стенами с черными текстовыми знаками, указывающими направление. Дориан задирает голову:

– Я бы такой цвет не выбрал.

– Это мера безопасности, – говорит Блю. – Человек сильнее всего реагирует на контраст желто-зеленого и черного... хотя мы также могли использовать и светло-голубой.

– Но когда вы выходите отсюда, вокруг все выглядит фиолетовым, – добавляет Джозеп. – Это происходит из-за того, что колбочка сетчатки глаза напрягается из-за перегрузки, возложенной на рецепторы зеленого цвета.

Судя по восходящей интонации в конце последней фразы, объяснения закончены.

– Я... буду иметь это в виду, – говорит Дориан. – Так зачем мы так заботимся о контрасте цветов?

– Чтобы выжить, – объясняет Блю, проводя всех внутрь.

Это место похоже на бункер. Оно напоминает Дориану о подвальных помещениях токийского офиса «Вейланд-Ютани» – непроницаемых цементных хранилищах с записями и заархивированными жесткими дисками, хранящимися в жидкости. Было бы легче ограбить банк, чем попасть в эти питомники. Коридоры здесь настолько узкие, что способны вызвать приступ клаустрофобии. Они совершенно не похожи на высокие проходы остальной части «Холодной

кузницы». Освещение здесь еще ярче, что дает ощущение плохого рендеринга.¹⁰¹¹

Они проходят мимо широкого окна из закаленного стекла с решетчатыми отверстиями по бокам. Дориан наклоняется, чтобы лучше рассмотреть комнату, и видит стол для вскрытия. Вдоль задней стены он также замечает емкости для образцов размером с человеческий торс, внутри которых плавают искаженные костлявые руки. На том месте, где должны быть запястья, расположен хвост с присоединенной диафрагмой, напоминающей мошонку. Внутри комнаты за микроскопом сидит молодой темнокожий мужчина.

Дориан смотрит на когти широко раскрытыми глазами.

– Идите сюда, – зовет Блю.

Остальная группа уже проследовала дальше.

В этом месте глаза Люси становятся еще шире, а ее пухлые губы сжимаются и бледнеют. Она явно боится здесь находиться.

– Это что-то вроде хранилища трофеев? – шепотом спрашивает Дориан.

– Скорее ад, – отвечает Люси. – Когда вы здесь находитесь, не вздумайте есть гранат.

– Я предпочитаю стейк с кровью.

¹⁰ Жидкий жесткий диск – жидкость, способная хранить данные в микроскопических частицах, находящихся в растворе.

¹¹ Рендеринг – термин в компьютерной графике, обозначающий процесс получения изображения по модели с помощью компьютерной программы.

– Что ж, вы отлично поладите, – отвечает она.

Они заворачивают за угол и попадают в комнату, высота потолка в которой примерно такая же, как в общей зоне ПСиОСИ. В дальнем конце стоит механический погрузчик, а одна из стен выделяется затемненными стеклянными секциями. Сначала Дориану кажется, что они черные или, возможно, тонированные. В основании каждой секции он замечает клещи погрузчика, от чего создается впечатление, что их выстроили в штабель. Размер панелей – десять на десять футов. Они настолько большие, что смогли бы уместить грузовик или стыковочное судно. Когда он подходит ближе, то понимает, что стеклянные секции прозрачные, просто сквозь них видна противоположная черная стена.

Блю указывает вверх на ряд промышленных светильников:

– У них особая фокусировка. Свет попадает на блок, но не на клетки. Это позволяет снизить возмущения до минимума.

– Возмущения?

– Им нравится темнота.

Блю снимает со стены планшетный терминал и что-то печатает. Все отходят от окон в зону наблюдения на другой стороне помещения.

– Думаю, здесь вам будет комфортнее, директор Садлер.

– Почему?

– Эффект может быть непредсказуемым, – пожимает плечами Блю. – Ничего здесь не трогайте.

Он качает головой и приближается к окнам:

– Покажите мне то, что собирались.

Звук нажатой кнопки эхом отзывается в помещении, после чего слышится шипение пара и душераздирающий скрежет металла. Что-то пронзительно вскрикивает. Дориан вздрагивает, но не отходит. Он наблюдает, как за стеклом один за другим зажигаются огни, заливая клетки ослепительным зеленым светом. Когда загорается последняя лампа, он подходит к ближайшей клетке.

С потолка капает слюна существа, которое вскоре медленно опускается на ноги. Его ужасный рот со стеклянными зубами изображает ухмылку. Его голова – длинный гладкий вал серого цвета, напоминающий кусок гранита, упавший на маслянистое черное тело. Хитиновые выступы образуют красивый экзоскелет, под которым вибрируют мышцы. Его хвост представляет собой ряд сужающихся к низу костей, на конце которого расположен злобный шип. Так выглядит настоящий убийца, отлитый в форме и покрашенный в черный цвет. Это – симфония смерти, шедевр дьявола, необузданная энергия.

Блю была права. Эффект оказался непредсказуемым: Садлер почти не замечает визга, который срывается с его губ. Затем ужас переходит в пленительное восхищение. Дориан идет вдоль клетки, и существо перемещается вместе с ним, вслепую следуя за его движениями. Чудовище стоит на согнутых мощных ногах, словно на пружинах, а изо рта его со-

чится липкая слюна. Сердце Дориана колотится, и у него появляется желание заплакать над этой красотой. Блю – гений высшего уровня.

– Вы... создали его? – спрашивает он почти шепотом.

– Нет, – говорит Блю, к его облегчению. – Я даже не уполномочена знать о происхождении яиц.

– Как они называются?

– Мне не предоставляли данную информацию, поскольку она засекречена. Я пользуюсь своими названиями. Один из поставщиков Компании называл их ксеноморфами, но это не совсем правильный термин. Любое существо, которое мы не можем классифицировать, технически является ксеноморфом, – объясняет Блю. – Честно говоря, мы называем их просто ловцы, потому что они чертовски шустрые.

– И для чего они нужны? – спрашивает Дориан, хотя в глубине души не подвергает сомнению целесообразность присутствия существа на станции. – Зачем их исследовать?

– У них широкое применение, – говорит Дэниел. – При надлежащем управлении речь идет о подавлении мятежей, уничтожении криминальных структур и даже целых стран. Они являются самым мощным биологическим оружием нашего века, и если их обратить в нашу пользу... Вы вообще помните, когда в последний раз Соединенные Штаты покупали для колониальных морских пехотинцев полную систему реагирования на угрозы?

Дориан кладет руку на стекло, словно хочет прикоснуть-

ся к морде существа, и ксеноморф бросается на человека со скоростью электрического импульса, размазывая по стеклу иخور. Звучит гудок, и вокруг задней стены клетки появляется светящийся красный контур. Крики из других клеток тут же стихают. Существо набрасывается снова, а затем забивается в угол и съеживается, обвив хвост вокруг ног.

Ни одно одомашненное существо никогда не сравнится со своими дикими собратьями. Если взять за пример ловца, который был выращен в клетке, то каков тогда ксеноморф в дикой природе? Разум Дориана напряженно работает, пытаясь представить эту картину.

– Они прекрасно адаптируются, – говорит Блю, прерывая размышления директора. – Когда существа впервые пытаются разбить стекло, мы снимаем тепловую защиту и подвергаем их пятисекундному воздействию лучей звезды. Это – первый случай, когда ловец попробовал сделать еще одну попытку.

4. Plagiarus praepotens

Блю надеется отпугнуть аудитора своей демонстрацией. С предыдущим клоуном из «Вейланд-Ютани» подобный тур по «Холодной кузнице» отлично сработал. Она думает продемонстрировать процесс оплодотворения, но, учитывая благоговейный страх директора перед взрослым ловцом, желаемого эффекта данное зрелище на него не произведет.

Марсалис наблюдает, как Садлер шагает от одной клетки к другой, внимательно изучая чужих, будто они его солдаты. Существа отвечают ему интересом и любопытством, отчего Блю ощущает странный прилив ревности: всякий раз, когда они с Кембили проверяют клетки, ловцы впадают в состояние, близкое к оцепенению.

Длинные и тощие конечности, вместе с черным костюмом, делают Садлера немного похожим на чужих.

– Что ж, – тихо говорит Блю, – похоже, мы имеем дело с чертовым извращенцем.

– На вашем месте я бы проявлял чуть больше уважения, – шепчет Дэниел.

– Например, столько, сколько он проявил к вам, «коммандер»? – усмехается она.

Дэниел приглаживает свои короткие седые волосы:

– Иногда приятно, когда старого ветерана ценят по заслугам. Нелегко командовать на станции, полной кретинов.

Коммандер смотрит на их гостя и добавляет:

– Кроме того, он – твой шанс получить финансирование.

Взгляни на него. Ему *нравится* это дерьмо.

Словно чувствуя на себе взгляды, Садлер отворачивается от ловцов.

– Поскольку я собираюсь проводить на станции собственное исследование, – говорит он, – мне и моей команде потребуются жилые комнаты.

– Я же сказал, – шепчет Дэниел. – Выжми из него все соки. Блю заставляет себя улыбнуться:

– Неужели вам так понравились питомники?

Светло-голубые глаза Садлера сияют в свете ламп.

– Я думаю, это наше будущее, доктор Марсалис.

– Что ж, – говорит Дэниел, – тогда давайте мы покажем, где вам можно расположиться.

Он указывает на дверь, и Садлер следует вперед. Когда они оказываются по другую сторону, Блю направляется в исследовательскую лабораторию.

В лаборатории она встречает Кембили. Он сидит на своем рабочем месте с наушниками в ушах, качает головой из стороны в сторону и жует жевательную резинку. Она рада, что аудитор не начал расспрашивать о репродукции чужих, потому что это привело бы к неловкой беседе о яйцах и шимпанзе, а также о том, почему большинство ловцов были уничтожены до того, как достигли зрелого возраста.

Ее задача – найти надежный способ создания ловцов и контроля над ними, обращая особое внимание на применение чужих в военной сфере. Однако пятьдесят процентов финансирования и восемьдесят процентов шимпанзе и яиц Блю расходовала совсем на другое. Но это не та информация, которой бы она с удовольствием поделилась.

До сих пор условия были идеальными. «Холодная кузница» – труднодоступный объект. Элиз Кото, вице-президент «Генетик Интересс», охотно покрывает Блю, чтобы она имела возможность получить от генома чужих все, что ей нужно, и сделать это прежде, чем ее поймают. Тогда они смогли бы обнародовать свое открытие, устроив большую шумиху.

– Это был аудитор? – спрашивает Кембили, вытаскивая один наушник.

Блю от неожиданности вздрагивает:

– Да.

Окоро ухмыляется:

– Ты сказала ему, что не выполняешь свою работу?

– Нет.

Блю нахмурилась, и, судя по взгляду Кембили, ее лицо приобрело угрожающее выражение.

– А ты сказал своей жене, что спал с Люси?

– Послушай...

– Нет, это *ты* послушай, – говорит Блю, приближаясь.

Маркус ниже Кембили, но андроид может переломить че-

ловека пополам, и Окоро это известно.

– Не лезь не в свое дело, иначе я сотру тебя в порошок. Все ясно?

Он отводит глаза:

– Я просто хочу вылезти из этой чертовой дыры.

– Я тоже хочу, чтобы ты убрался отсюда, но мне пока еще нужна твоя помощь. Так что я полагаю, теперь мы оба в дерьме.

– Я не собираюсь расплачиваться за твои ошибки.

Ноздри Блю раздуваются. Как он может одновременно быть таким гениальным и таким упрямым?

– Я не просила тебя об этом. Просто... просто работай, пока я не умру, ладно? Тогда ты сможешь все свалить на меня. Не нужно трусить и сдаваться только из-за того, что здесь «директор Садлер». Тут два варианта: я буду права, и мы оба получим премию и повышение... либо я умру, и ты сможешь рассказать всем, насколько ужасной я была. В любом случае в следующую ротацию ты вернешься домой. Так что, знаешь, *соберись с силами*, – она произносит последние слова низким голосом Маркуса, подражая привычному для Кембили закатыванию глаз.

Качая головой, Кембили выставляет вперед подбородок и напрягает мускулы. Он выглядит так, будто хочет ее ударить, но с его стороны это была бы глупая идея. Блю скрещивает руки, ожидая удара, но этого не происходит. После многозначительной тишины, она расслабляется.

– Просто скажи, какой у меня выбор, Кембили.

– Во время последнего эксперимента... – начинает он, и Блю тут же оживляется, – уже после того, как ты... эмм... покинула тело Маркуса... Я, кажется, кое-что увидел на термооптическом приборе.

Блю медленно вдыхает, пытаясь сдержать дрожь возбуждения:

– Увидел что, Кембили?

– Я не мог допустить, чтобы Маркус заметил это и рассказал кому-нибудь, поэтому прикрыл свое рабочее место, но к тому времени, когда снова к нему вернулся, жидкость уже метаболизировалась в мягких тканях хозяина.

– *Что ты видел?*

Он трет свой щетинистый подбородок:

– Я думаю, что ты права... *Plagiarus Praepotens* существует.

Вот оно! Работа всей ее жизни или работа для спасения ее жизни. Еще один живой организм, которого никто из исследователей Компании не смог распознать – бактерия-террорист, способная переписать порядок ДНК быстрее, чем технология CRISPR. В «Вейланд-Ютани» считают, что личехваты являются личинками ловцов, но на самом деле они просто хозяева самого смертоносного патогена во Вселенной. В генетическом коде¹² *Praepotens* содержится неограни-

¹² Технология CRISPR – короткие палиндромные повторы, регулярно расположенные группами – новый метод редактирования генов, позволяющий выре-

ченный потенциал для лечения ее генетического заболевания, так же как для лечения генетических нарушений всех людей.

Блю дала настоящее имя и лицевухам: *Manumala noxhydria*. Рука Дьявола, сосуд смерти.

Она сжимает кулаки:

– Ты должен был сказать мне.

– Сказать что? Что я видел это, но мы как обычно опоздали?

– Что я была права! – громко выпалила Марсалис, забыв, что Маркусу слышно намного громче. – *Черт побери*, Кембили, мы должны были немедленно провести следующий эксперимент!

– Я знал, что ты это скажешь! – Окоро сматывает провод наушников и бросает их на стол. – Если будешь так часто потрошить эти яйца, то попадешься! Тебя уволят, и тогда ты лишишься медицинской помощи и...

Блю смотрит на Кембили пристально и сердито.

– Я... – нерешительно продолжает Окоро и делает паузу, чтобы собраться с мыслями. – Я отдал этой работе два года жизни вместо того, чтобы остаться с семьей. Когда я вернусь домой, моей дочери исполнится пять, и она меня даже не узнает. Если я потеряю работу и лишусь премии, моя семья окажется в полном дерьме. Так что на кону не только твоя задница. Нужно иметь голову на плечах, Блю.

Кембили – чертов лжец. Он спит с Люси с того самого дня, когда сюда прибыл. Может быть, он и переживает за жену и дочь, но не настолько, чтобы держать свои причиндалы в штанах. Блю видит в Кембили то же самое, что и в остальных далеких и необъяснимых мужчинах – желание нарушать любое неудобное ему правило.

Но он прав насчет частого использования образцов.

Элиз может держать прогресс проекта в секрете, но она не может скрыть отсутствующие яйца *noxydria*, каждое из которых классифицируется как личное имущество. Стоимость одного яйца составляет около ста пятидесяти тысяч долларов, и это только расходы на приобретение. Такие яйца незаменимы, поэтому Компания следит за ними, как за золотыми слитками.

Последняя передача Элиз не выходит из головы Блю:

НУЖНЫ РЕЗУЛЬТАТЫ
НЕ МОГУ БОЛЬШЕ НАС ПОКРЫВАТЬ
УДАЧИ

Что могло измениться? Это дело рук аудитора? Если Блю ускорит реализацию своих планов, они все равно ее вытурят?

– Прошла уже неделя, – говорит Кембили. – Может быть, нам стоит вернуться к плану «А»? Попробуй найти *praepotens* внутри тела лицехвата. У нас есть ультразвук и микрохирургический...

Блю качает головой:

– Ты прекрасно знаешь, что это не сработает. В послед-

ний раз мы испортили инструменты, и у нас больше не осталось запасных. Кроме того, мы так и не нашли нужную концентрацию, так как патоген без живой жертвы не сгущается. *Noxhydria* нужно стимулировать, и чем сильнее страх, тем больше *praepotens* образуется и попадет в жертву.

Она представляет, как подвесит одного из шимпанзе над яйцом с помощью какого-нибудь механизма, и когда лицехват нападает, она схватит его за глотку и заберет выделившийся *praepotens*. Конечно, все это испугало бы шимпанзе до чертиков.

Интересно, попытались бы взрослые ловцы в своей экосистеме помочь лицехватам распространить патоген? Блю представляет, что они каким-то образом сдерживают жертву. Жаль, что у нее так мало информации о поведенческих моделях этих существ. Она даже не знает, откуда они родом.

Создание устройства для забора *praepotens* потребует времени, и она не сможет не прибегнуть к помощи инженеров. Безусловно, Садлер бы обратил на это внимание, поскольку изобретение удерживающих приспособлений и механизмов было бы весьма затратным занятием. К тому же пришлось бы воспользоваться некоторыми устройствами машинного обучения, чтобы настроить систему наведения.

Маркус вполне справился бы с этой задачей, если бы не находился под управлением Блю. Он достаточно быстрый, чтобы схватить лицехвата за глотку, достаточно сильный, чтобы выжать ее содержимое, и недостаточно живой, чтобы

при этом заразиться. Только вот он запрограммирован сообщать руководству Компании обо всех своих действиях.

Что, если она объяснит ситуацию Маркусу? Он бы посчитал, что безопасность Блю под угрозой, и сохранил ее тайну. Однако он также бы понял, что она идет на риск, и силой заставил бы лечь в криокапсулу и отправиться домой. Жаль, что Блю не до конца понимает психологию андроидов.

– Блю? Ты все еще здесь? – спрашивает Кембили, и она отвлекается от своих мыслей.

– Да, извини.

– Я спросил, что ты собираешься делать.

Блю кивает.

– Страх, – говорит она. – Мы должны найти способ стимулировать шимпанзе и получить патоген непосредственно с ткани, пока он не усвоился...

Ей нужно что-то антибактериальное... возможно, пластиковое.

– О, боже... я идиотка...

– Что?

– Мы проколем пищевод шимпанзе со стороны спины и введем биопластик вплоть до самого горла. Мы сможем собрать *praepotens* рядом с позвоночником. Шимпанзе будет ограничен в движениях, но при этом останется в сознании.

Кембили улыбается, но это не привычная для него жесткая и саркастическая ухмылка, а улыбка человека, который только что стал свидетелем прорыва.

- Как калоприемник.
- Как скоро мы можем провести следующий эксперимент, не нарушая обычного темпа?
- Через четыре дня.
- Разморозь одного из шимпанзе и приступай к операции.

Блю возвращается в свое тело в хорошем настроении. Ее внутренности болят, но это ощущение никогда не меняется. Когда она вдыхает, доносится хрипящий звук – звук, который сопровождает ее на протяжении многих лет. Мышцы пищевода работают плохо. Когда она переворачивается, ее спина испытывает жгучую боль от пролежней.

Компания согласилась предоставить ей специальную удобную кровать, но когда Блю впервые прибыла на станцию, кровати здесь не оказалось. С тех самых пор она так и не появилась ни в одной из поставок. Блю приходится отправлять жалобы в управление раз в три месяца.

Находиться в теле Маркуса очень утомительно, и это не связано с тем, что для управления синтетиком требуется физическая сила. Все дело в том, что, в конечном итоге, она должна возвращаться в свою комнату и в свое тело. Иногда ей кажется, что было бы легче не иметь возможности «сбегать» в тело андроида.

– Свет, – произносит она, снимая гарнитуру, и яркое дневное освещение заполняет комнату.

Ей нужно связаться с Элиз на Земле и убедить ее потянуть

время. Блю не имеет представления, какое давление оказывают на вице-президента, но ей нужен еще месяц. Она уверена, что сможет получить патоген и начать изучение генетического строения. Когда придет Маркус, он даст Блю терминал и оставит одну, чтобы она смогла зашифровать сообщение.

Раздается звон зуммера.

– Войдите, – отзывается Блю, и дверь тут же разблокируется.

Дверь открывается, и по ту сторону она видит Дориана Садлера. Он чем-то напоминает нож – совершенный, закаленный и острый. Сердце Блю замирает. Она больше не ходячая, она не возвышается над ним в мощном синтетическом теле. Теперь она одна и лежит на своей больничной койке, чувствуя себя маленькой и слабой.

– Я просто хотел познакомиться с вами лично, – с улыбкой говорит директор, переступая порог.

Он держит в правой руке пачку сигарет и блестящий серебристый коробок спичек. Блю трудно разобрать детали, но, судя по ухоженной внешности Садлера, спичечный коробок, вероятно, дорогая реликвия. Нормальные люди пользуются дешевой зажигалкой – но только не этот клоун.

– Здесь нельзя курить, – заявляет она.

Он вызывающе кладет сигареты и спички рядом с ней на тумбочку, и улыбается.

– Я бы не посмел, – отвечает Садлер, а затем пристально

смотрит на Блю. – Я не ожидал, что вы такая...

Блю ждет, что он скажет «хрупкая».

– ...черная.

– Вы сказали, что занимаетесь кадрами? – интересуется Блю, думая, как доложить об этой беседе.

– Да, но не обижайтесь. Это «специальные кадры». Высокосекретные активы, такие как вы, поэтому мы можем пропустить традиционные абсурдные стажировки. Вы сами знаете, как это бывает. Иногда можно и не следовать правилам, особенно если находишься так далеко от Земли, – говорит Дориан и прищуривается. – Вы меня извините, просто после той арийской куклы, в которой вы передвигались, у меня сложилось о вас неверное представление.

Блю выдыхает с сердитым шипением:

– Ладно, хорошо... мы познакомились, директор Садлер, – произносит Марсалис, и ее голос уже не такой сильный, как голос Маркуса. – Но сейчас я отдыхаю, поэтому буду вам признательна, если вы меня покинете.

– Я плохо запоминаю лица, – говорит Дориан, лениво помахивая рукой перед своими глазами, будто с ними что-то не так. – И мне трудно интерпретировать эмоции синтетика. Вы когда-нибудь сталкивались с такой проблемой?

– Это не имеет значения, можете вы интерпретировать выражение лица Маркуса или нет, директор, – говорит Блю. – «Вейланд-Ютани» платит мне за научную проницательность, а не за актерское мастерство. Пожалуйста, уходите.

те.

– Хорошо-хорошо, – соглашается Дориан, поднимая руки и отступая. – Я не хотел вас беспокоить. Если вам что-то понадобится, имейте в виду, что я остановился в конце коридора.

– Вы на обзорной палубе? Вообще-то это не спальня.

– Я ее немного модифицировал, – говорит он. – Мне нравится вид на солнце.

– Да, – соглашается Блю, вспоминая зрелище горящего газа через панорамные черные окна. – Всем нравится. Вот почему это общая зона.

– Я долго не задержусь на станции, – успокаивает Садлер. – Как и у вас, у меня есть некоторые особые потребности для своего жилого помещения, и мне нужно иметь место, где я смогу развернуться, – принести туда кучу архивных записей.

«Твои “особые потребности” не имеют ничего схожего с моими, болван».

– Но если кто-то заскучает по виду из окна, – добавляет он, – я придерживаюсь принципа открытых дверей. Не стесняйтесь и приходите в любое время, чтобы поболтать или отдохнуть. Я люблю компанию. Если вам когда-нибудь захочется поговорить...

– Не захочется.

– ...о том, что случилось с мисс Кото... – продолжает Садлер, но тут же замолкает после ее комментария. – Извините,

вы правы. Мне лучше уйти.

Она отреагировала. Она знает, что отреагировала. Ей не так легко контролировать свое лицо, когда она находится вне Маркуса. Ее выражение словно спрашивает: «И что же случилось с моим боссом?»

– Я сам только что получил эту новость. Они прислали сообщение на мой терминал во время демонстрации проектов. – Дориан убирает руки в карманы костюма. – Мисс Кото была арестована и отправлена в административный отпуск. Она попалась на том, что принимала платежи от старого конкурента и присваивала средства Компании, что серьезно нарушает условия контракта. Мне жаль вам это сообщать, но ее поймали за руку.

Легкие Блю превращаются в глыбы льда. Она прикрывает панику слабым покашливанием.

– Это ужасно.

И это действительно так. У Элиз есть семья. Блю представляет чувства детей, когда они видят, что их мать уводит. Элиз не сможет защищаться. Конечно, ее не посадят в тюрьму общего режима. Нарушение контракта и последующие суды высосут из нее все имеющиеся средства. Блю надеется, что у нее припасены какие-нибудь сбережения на такой «черный день», как этот.

– Не то слово, – соглашается он. – Какая жалость.

– Ладно, спасибо вам за то, что передали мне новости, – говорит Блю. – Что дали мне знать. Мне правда нужно от-

дохнуть, так что... уйдите.

– Как хотите, – он поворачивается к выходу.

– И еще, директор Садлер, – говорит она, пытаясь сохранить уверенный голос.

Он поворачивается.

– Я была бы признательна, если бы вы больше никогда не приходили в мою комнату.

Садлер колеблется:

– Мне интересно, почему Кото это сделала? У нее было все: власть, влияние... Черт, это место фактически ей принадлежало. Разве у нее не было достаточно денег, чтобы не прибегать к воровству, которое поставило крест на ее карьере?

Он уходит, не дожидаясь ответа.

У Марсалис есть подозрения о мотивах Элиз. Когда Блю занималась исследовательской работой в университете Джонса Хопкинса, и ей поставили диагноз «синдром Бишара», по иронии об этом стало известно средствам массовых информационных. «Выдающийся генетик страдает редким генетическим заболеванием». В мире было диагностировано еще двенадцать случаев. Все эти люди были детьми колонистов и астронавтов. В итоге Блю стала предметом многочисленных статей об ответственности властей за ее судьбу и предоставлении доступа к самым большим медицинским ресурсам и умам страны.¹³

¹³ Университет Джонса Хопкинса – частный исследовательский университет,

Вначале она верила в светлый исход истории, проводя свои собственные исследования в лабораториях Земли. Она находила корпоративных партнеров, пытаясь раскрыть тайну заболевания и найти лечение без общественного героизма, но вскоре окончательно погрязла в работе и стала искать все более отчаянные решения. Она занялась самолечением, после чего потеряла свой круг общения.

А потом Блю познакомилась с Элиз Кото, которая говорила: «Я знаю, где вы можете найти лекарство». Она отправила Блю к звездам, в эту адскую небесную яму. Блю помнит боль, которую испытывала в свои первые дни на станции. Она помнит пронзительный крик первого ловца и ужас, который охватил ее при виде лицехвата. Она представляла себя героиней путешествия.

Если бы только она смогла дойти до конца, она бы снова стала здоровой.

Но ловцы стали инструментом, а вся поездка – работой.

Она осознала, что они предъявят суду записи Элиз. Вероятно, они уже обыскали ее дом. Как скоро они найдут секретные сообщения, переданные Блю? Насколько осторожна была Элиз? Они увидят только фотографии, или также найдут и шифры?

«Дориан Садлер ведет какую-то свою игру, – думает она, – но какую?» Блю смотрит на тумбочку и видит, что серебристый спичечный коробок директора все еще стоит на страже

сигарет. Она берет его в руки и рассматривает – в выгравированном созвездии, которое она не узнает, вставлены рубины. Марсалис сомневается, что Дориану известно, что изображено на коробке, учитывая, что деловые люди почти никогда не увлекаются наукой. Вероятно, симпатичный мальчик подумал, что это просто изящный дизайн.

Из вредности она открывает коробок, чтобы посмотреть на содержимое: несколько ароматных, красивых деревянных спичек и оторванный кусочек картона, покрытый специальным веществом для зажигания. Она вытаскивает картон и большую часть спичек, оставив несколько штук для того, чтобы коробок издавал грохочущий звук, когда Садлер его возьмет. Блю прячет спички под матрас и улыбается.

– Удачи тебе в поиске спичек на космической станции, ублюдок, – бормочет она под нос.

Час спустя Дориан возвращается, извиняется и спрашивает о своих сигаретах.

Интерлюдия. Хавьер

Быть айтишником в изолированном ПСиОСИ – это не работа в службе компьютерной безопасности, на которую надеялся Хавьер Паз. Когда он посвятил себя сетевой безопасности и контрразведке, то ожидал, что будет проводить судебную экспертизу, блокировать сети и гонять хакеров. ПСиОСИ в «Холодной кузнице» – об этом можно было только мечтать. Только вот тут нет хакеров, которые могли бы преодолеть физическую изоляцию.

Итак, задача Хавьера состоит в том, чтобы перепрошивать все компьютеры после работы «Серебряной улыбки». Вирус выводит систему из строя, но, как правило, доходит только до стадии отключения электропитания. Он запрограммирован замечать самое важное и наносить сильнейший урон. Во многих отношениях «Серебряная улыбка» напоминает Хавьеру руководителя среднего звена.

Пока он идет вдоль компьютеров с устройством перепрошивки в руках и разрушает данные «Серебряной улыбки», вирус сделал еще одну вещь, на которую запрограммирован.

Он нашел другой путь – через само устройство.

Вирус с легкостью проникает внутрь, управляя битами, которые подтверждают уничтожение данных. Он загружается во встроенный образ диска – находит путь, который не мог

там появиться без чьей-либо помощи. Теперь, когда каждый диск отображен, «Серебряная улыбка» переустанавливается. Это жадный вирус, который контролирует все, что только может. Он мгновенно сможет уничтожить все источники питания.

Когда Хавьер заканчивает работу, он закрывает лабораторию и направляется к консоли управления «Джуно». Ему нужно зарядить устройство и подключить его, чтобы Люси могла обновить копию до той версии, которая ей потребуется.

В тот момент, когда Хавьер соединяет устройство с информационным каналом «Джуно», освещение в комнате становится красным, звучит сирена, и монитор консоли начинает мигать.

>> ОБНАРУЖЕНО ПОВРЕЖДЕНИЕ СИСТЕМЫ
<<

5. Спасение щенков

В первый раз, когда Блю в теле Маркуса решила пробежаться по центральной стойке, она ощутила настоящую эйфорию. Быстрый бег по километровому коридору ощущался как полет и напомнил ей о том, как когда-то она занималась триатлоном и кросс-кантри. Впервые после того, как она начала умирать, Блю почувствовала себя живой.¹⁴

Нынешний спринт займет больше времени.

Блю ракетой пролетает по коридорам. Она бежит настолько быстро, насколько позволяют ее синтетические ноги. Марсалис пролетает мимо пустых модулей, мимо стыковочного отсека и спасательных челноков, мимо открытых сокетов для большего количества лабораторий и серверов. Она бежит к открытой двери, которая ведет к ПСиОСИ. Дэниел ждет в дверях и машет ей рукой. В другой руке он держит импульсную винтовку.

Она входит и видит, что в пункте сбора информации творится полный хаос: сирены разрываются, свет мигает, красные предупреждающие сигнальные огни то появляются, то исчезают.

– Сюда! – зовет Энн, привлекая внимание Блю к серверной клетке «Джуно».

¹⁴ Гонки на горных велосипедах по пересеченной местности с затяжными спусками и подъемами.

Энн стоит на мостике, который тянется вдоль сооружения, и указывает на лестницу быстрого доступа. Блю быстро поднимается, перепрыгивая через ступени. Когда она достигает вершины, то обнаруживает большую группу персонала станции. Они кричат друг на друга, в то время как Люси и Хавьер в стороне лихорадочно печатают что-то на терминалах.

– Черт, Хавьер, о чем ты вообще думал?! – кричит один из лаборантов.

Это Ник, из проекта Джозепа, назойливый кретин из Оксфорда.

– Я всегда его так заряжаю! Проклятье, он ведь только для чтения... Он не может... Ты не можешь записать на него программу без... – протестует Хавьер, и его лицо неестественно бледнеет. – Его можно прочитывать только тогда, когда ты...

– Не трогай его, – говорит Люси нехарактерным для нее убедительным тоном.

Блю никогда не видела Энн в кризисной ситуации, и задается вопросом, когда она успела так повзрослеть.

– Сначала мы разберемся со сложившейся ситуацией.

– Что происходит? – спрашивает Блю у Энн, отводя ее в сторону.

Здесь, в клетке «Джуно», находятся все компьютерщики. Она не видит Кембили, и это хорошо. Скорее всего, это означает, что с питомниками все нормально.

– «Серебряная улыбка» пересек физическую изоляцию, –

говорит Энн, – и заразил «Джуно». Прежде чем ты спросишь: нам удалось скрыть от него общие карантинные протоколы.

– Дерьмо. Они перевели «Розового орла» в автономный режим? Мы не можем рисковать и позволить вирусу проникнуть за пределы станции.

– Это первое, что сделал Джозеп. Однако вирус все равно туда попал. Но я не думаю, что «Орел» надолго вышел из строя.

– Хорошо, – Блю продолжительно выдыхает. – Какие еще повреждения?

– Пока мы пытались разобраться, вирус устроил пожар в собственной лаборатории. Система пожаротушения позаботилась об этом. У них все еще есть резервные копии. Сейчас они борются за сохранение исходных данных «Розового орла». Все подвержено риску, включая резервные копии. Вирус еще их не уничтожил, но мы не можем восстановить данные, снова не разрушив «Джуно». Блю, файлы «Блестящего сооружения»... они...

– У меня есть собственные резервные копии, – тихо говорит Блю, стараясь развеять беспокойство Энн. – Последнее сохранение было в прошлый цикл.

– Что? Где? – глаза Энн сужаются, и Блю сожалеет, что раскрыла эту информацию.

– У меня в питомниках на непредвиденный случай есть частный сервер. На случай вроде этого, – Блю оглядывает-

ся, сохраняя нейтральное выражение лица. – Похоже, я была права.

По правде говоря, она не хотела, чтобы «Джуно» копалась в ее файлах, и, *безусловно*, не хотела, чтобы другие руководители проектов имели к ним доступ, так как она не собиралась заполнять проектные документы «Вейланд-Ютани».

Энн отводит ее от группы на мостик.

– Несанкционированный сервер? Я бы никогда этого не позволила! Как долго это продолжается?

– Шесть месяцев.

– Ты скрывала это от меня... пока мы были вместе? – огрызается Энн, взъерошивая волосы. – Боже... Невероятно.

– Не говори так... – начинает Блю, собираясь назвать ее малышкой, но это слово тут же умирает у нее на губах, так и не прозвучав.

Энн уже точно не ребенок. Ей нравится тело Маркуса, но ей тяжело быть с тем, кто настолько близок к своей кончине.

– Не переноси это на наши отношения, – перефразирует свои слова Блю. – Я приняла меры предосторожности, чтобы сохранить свой проект в безопасности, и это сработало.

– Да, только на твоем месте я бы не была так уверена. «Серебряная улыбка» нацелил системы управления на питомники.

Блю качает головой:

– Он не может открыть клетки. Ни один компьютер не сможет это сделать. Только человек имеет доступ к управле-

нию.

Энн горько смеется, положив руки на бедра:

– Я знаю. Я говорю не про двери клеток, а про теплозащиту. Вирус разрушает самые дорогостоящие и важные для нас системы. Он знает, насколько мы ценим «Блестящее сооружение». Прямо сейчас все из штанов выпрыгивают, чтобы спасти твоих больших жуков. Радуйся, что «Джуно» не трогает системы жизнеобеспечения, иначе мы все тут погибнем.

Грудь Блю сдавливают острое ощущение паники.

Она представляет, что каждый из ее взрослых ловцов в одно мгновение сгорит до хрустящей корочки, и она будет смотреть, как они с хлопками, будто от древней фотовспышки, растворяются в горячем излучении Кауфманна. Если это произойдет, Компания сократит убытки и закроет ее проект.

Они отправят ее домой.

И она больше никогда не коснется чужих.

– Дамы...

Они обе поворачиваются и видят, как Дик Маки направляется по мостку в их сторону. Обычно загорелая кожа австралийца стала желтоватой, вероятно, из-за длительной ночной попойки. Когда он наконец приближается, до них доносится запах его тела.

– Я вижу, что утро у нас сегодня насыщенное.

Энн фыркает:

– Рада, что ты наконец присоединился к нам, Дик. Прошло десять минут с тех пор, как я позвонила.

– Нужно было освежиться, – говорит Маки с усмешкой.

Учитывая его внешний вид, это полная чушь. Блю знала, что Дик протащил на станцию все виды контрабанды, начиная от нелегального огнестрельного оружия и заканчивая кокаином. Она представляет, как он втягивает ноздрями дорожку, чтобы голова на плечах держалась прямо.

– Что случилось? Только не говорите мне, что щенки на свободе.

Блю ненавидит, когда он их так называет. Когда они тестировали его питомники ловцами, одного из них он назвал Хитом, а другого Шримпи, и плакал, когда Блю пришлось их убить. Хотя, несмотря на все его странности, он создал безопасную рабочую среду.

– Нет, – говорит Блю.

Она счастлива, что, по крайней мере, они не столкнулись с карантинном, который убил бы всех существ.

– Но «Серебряная улыбка» контролирует «Джуно». Он пытается открыть теплозащиту в клетках.

– Проклятье, – говорит Дик, прикусывая нижнюю губу. – Тебе нужно забраться туда.

Блю поднимает голову:

– Что?

– «Черепеха»! Скафандр, – говорит Дик. – Поскольку ремонтный челнок сдох, «Черепеха» – это все, что у нас есть. Он, конечно, не на сто процентов защищает от радиации, но как ты точно не заработаешь. Ты единственная, кто может

это сделать. Ну, Маркус, во всяком случае. Я могу попросить его, если ты не хочешь управлять им.

Блю смотрит на потолок:

– Меня достало, что все говорят мне, что я должна делать с этим телом. Оно – единственное, что у меня есть.

– Неужели сейчас то самое время, когда можно жаловаться? – спрашивает Энн. – Твой проект вот-вот накроется медным тазом.

Это неправда. У них еще есть двадцать яиц, и если взрослые особи погибнут, Блю могла бы использовать данное обстоятельство в качестве предлога, чтобы пополнить запас ловцов. Это означает, что ее собственное исследование ускорится. Они могли бы вытаскивать два эмбриона в неделю или даже больше, не моргнув при этом и глазом.

– Это не стоит такого риска, – говорит Блю, и Энн удивленно на нее смотрит. – У нас еще есть небольшой запас яиц. А запасного тела у меня нет. Вы не сможете закончить этот проект без меня. Если я не смогу заниматься исследованием, проект приостановят, пока не доставят новое тело.

6. Дым и зеркала

Когда Дориан впервые слышит звук сирены, он думает, что произошел какой-то незначительный инцидент. Такое часто случается на космических станциях – двести предупреждений на каждую мелочь. Много шума из ничего.

Его кровать удобная, глаза тяжелые. Кауфманн наполняет обзорную палубу тусклым вечерним свечением, проходя через электрополяризующее покрытие. Это спокойное место. Минималистическое окружение уравновешено бушующим адом космоса. Садлер мог бы часами наблюдать за сиянием взрывающихся газов.

Но сирены не смолкают. Он слышит, как экипаж быстро перемещается по коридору, удаляясь от центральной стойки, и в его комнате раздается эхо приглушенных криков.

У него есть мельчайшая искра надежды на то, что один из ловцов убежал, – просто потому, что Садлер хотел бы посмотреть, что чужой сделает с человеком. Будет ли убийство быстрым, или ксеноморф растянет удовольствие? Разумеется, к тому моменту, когда ловец оказался бы рядом с ними, экипаж бы уже взял ситуацию под контроль. В конце концов, управление этими существами – основная задача станции.

Садлер хочет, чтобы Блю рассказала ему больше о ловцах. Он желает знать о них всё. Если у нее есть мертвый ловец, он бы хотел прикоснуться к нему. Странные когтистые ко-

нечности в лабораторных банках каким-то образом должны быть связаны с визжащими хитиновыми чудовищами.

Его интерком издает звуковой сигнал, и Дориан начинает браниться.

– Директор? – говорит командующий Кардозо. – Вы проснулись?

– Теперь да, – отвечает Дориан хриплым голосом.

Он целый год находился в криосне, и в первый же раз, когда пытался поспать по-настоящему, его сон прервали! Если это просто учения, он точно кого-нибудь прикончит. Или по крайней мере позаботится о том, чтобы кого-нибудь уволили.

– У нас непредвиденная ситуация в ПСиОСИ. Как начальник станции, я прошу вас как можно скорее явиться сюда.

Его сердце начинает биться быстрее. Возможно, он был прав, и кто-то *действительно* мертв. Дориан поднимается с кровати и натягивает брюки.

– Я должен предупредить свой экипаж? – хрипло рычит он, роясь в багаже в поисках рубашки.

– Нет, с ними все хорошо.

– Все люди в порядке?

– Да, – отвечает Дэниел, чем немного расстраивает Дориана. – Хотя у нас возникла сложность в процессе работы. Как высокопоставленный сотрудник Компании, вы должны присутствовать.

– Хорошо. Будь через десять минут.

Зная, что это не вопрос жизни и смерти, Дориан одевается неспешно.

Когда он приходит в ПСиОСИ, его прическа выглядит аккуратно, хотя он только недавно выбрался из кровати. На нем стильная рубашка. Дориан не стал завязывать галстук, потому что желал выглядеть более неформально. Дэниел ждет у двери, не скрывая своего раздражения из-за медлительности Садлера.

– Наши умники работают внутри. Они введут вас в курс дела.

– А вы будете стоять здесь и держать дверь?

Дэниел качает головой:

– Это проблема айтишников и службы безопасности, но если эта дверь сейчас закроется, то может больше не открыться без серьезного механического вмешательства. Никто из находящихся внутри членов экипажа не нуждается в моем мнении, и им явно не нужно, чтобы я их отвлекал.

– Так может, вам лучше снять дверь с петель?

– Да, сэр, и если я это сделаю, то по протоколам безопасности мы будем обязаны уничтожить все биологические образцы, чего совершенно не хотим.

Дориан представляет, как всех этих невероятных существ убивают из-за полной человеческой некомпетентности.

– Да, мы действительно этого не хотим.

Коммандер тыкает пальцем в терминал, и на полу появ-

ляется линия светящихся огней – ярко-зеленых с белым мигающим бегунком.

– Навигация приведет вас в командный пункт, – объясняет Дэниел. – Пожалуйста, проследуйте туда.

Молча кивнув, Дориан следует по линии в недрах ПСиО-СИ в один из многочисленных конференц-залов. Из планировки и подразумеваемых возможностей станции становится ясно, что объект был рассчитан на штат в три раза больше имеющегося. В нем могло бы легко разместиться триста человек и пятьдесят проектов.

Когда Дориан приходит, он видит, что между Энн, Блю и третьим лицом – загорелым человеком, которого он не узнает, – разразился скандал. В комнате располагается длинный стол с освещенными краями, и каждая из стен усеяна экранами. В дальнем углу, скрестив руки и враждебно глядя на двух своих коллег на противоположном конце, стоит Блю.

– Это совершенно безопасно! И даже если это не так, я смогу починить тебя! – кричит загорелый парень.

Глядя на него можно сделать вывод, что он австралиец, так как его «тебя» растягивается на три слога.

– Ладно тебе, – продолжает загорелый.

– Я с вами еще не знаком, – говорит Дориан, протягивая незнакомцу руку. – Директор Дориан Садлер. Я пришел помочь, мистер...

– Дик Маки. Хороший у вас костюм, – замечает он, – но, как вы, наверное, поняли, мы все немного заняты, поэтому,

будьте добры, не мешайте...

– Что вам кажется проблемой?

– Директор, – говорит Блю, – мы находимся в чрезвычайной ситуации, поэтому у нас нет времени, чтобы вводить вас в курс дела.

– Ты хочешь позволить им умереть, – говорит Энн, – у нас теперь как никогда много времени. Директор, вирус «Серебряная улыбка» угрожает клеткам. Наши люди в данный момент пытаются восстановить «Джуно», но если мы не закроем теплозащитные экраны, наши образцы испепелятся. У нас есть выходной скафандр, который можно использовать для ремонта той части станции, которая обращена к звезде, но для этого требуется тело андроида. Только он сможет выжить.

– Прекрасно, – говорит Дориан с широкой улыбкой. – Давайте разбираться.

– Все не так просто, – говорит Блю. – Если что-то случится со мной, точнее, с этим телом, я не смогу возглавить проект. «Серебряная улыбка» только что подверг опасности себя и «Розового орла». Без Маркуса «Блестящее сооружение» не сможет существовать, – объясняет Марсалис и смотрит на Дориана. – Директор, мы ведь можем создать другие образцы для изучения. Хранилище с яйцами совершенно не повреждено.

Дориана интересует вопрос репродукции ловцов, но сейчас нет времени расспрашивать.

– Да, – говорит Маки, – только вот у тебя еще ничего не получалось. Последние три яйца были пустыми. Что если у тебя там одни пустышки? Вдруг что-то пошло не так?

Блю в раздражении вскидывает свои мужские... или *женские* руки:

– Мы будем думать об этом, когда придет время.

– У вас в клетках шестьдесят три взрослых экземпляра, – отвечает Маки, погружаясь в кресло. – Мне кажется, думать об этом нужно сейчас, черт побери.

– Обновление статуса, ребята, – раздается голос через интерком.

– Что случилось, Хави? – отзывается Энн.

Должно быть, это Хавьер Паз, системный администратор.

– Вирус размножился и влез в систему безопасности питомников. Он открыл одну из дверей теплозащиты.

– Что ты говоришь? – спрашивает Дориан, и в его голосе слышится нотка волнения.

– Один из образцов мертв, – сообщает Паз. – Мне жаль.

– Я полностью уверена в наших репродуктивных технологиях, – говорит Блю. – Неважно, насколько сильное значение имеет твое мнение, Дик, я – старший научный работник...

– Идите туда и заблокируйте тепловой щит, – говорит Дориан. – Немедленно.

– Директор, вы не слушаете...

– Нет. Не слушаю. Либо вы пойдете туда и закроете щиты, либо Маркус – без вашего участия. Если это сделает Маркус,

то вы уволены. Надеюсь, я ясно выразился.

Все замирают в ошеломленной тишине. У Энн от удивления открывается рот.

– Проект не сможет существовать без меня, – протестует Блю. – Я единственная, у кого есть...

– В галактике есть и другие, более умные люди. Я уверен, что мы сможем их найти. Сейчас же я жду, когда вы отправитесь туда и сделаете свою работу.

Он смотрит на сотрудников базы, и его взгляд порицает их за любые признаки неповиновения. Никто не говорит с ним.

Никто не возражает.

– Хороший выбор, – говорит Садлер, сверля Блю глазами. – Энн, я жду его через пять минут в герметичном защитном костюме.

7. Дикие псы

«Черепаха» слишком тесно облегает тело Маркуса. Странно, что на скафандре не стоит предупреждение «только для очень худых людей». Блю застегивает пятиточечные ремни безопасности и выполняет окончательную проверку систем. Все показатели работают нормально.

«Черепаха» – это обычный скафандр для открытого космоса, только сзади у него установлены зеркальные щиты, а на поверхности – пластины. Как и на скафандрах старого образца, на спине располагается двигатель, однако в отличие от прежних костюмов, этот состоит из тех же материалов с высокой степенью отражения, что и сама «Холодная кузница». Таким же был и ремонтный челнок, пока Дик Маки не облажался с процедурой стыковки. Блю сможет повернуться к Кауфманну только на две минуты, прежде чем тело андроида начнет плавиться, а через десять минут возникнут несовместимые с жизнью повреждения.

Обычный человек (если бы ему повезло, и он бы остался в живых) получил бы сильные ожоги или раковые опухоли.

– Хорошо, дружище, – слышится по радио голос Дика. – Сейчас я включу противоударную защиту внутри питомников.

Несмотря на все сложности, Блю рада помощи Дика: если бы тот не закрыл внутренние двери, то ловцы, возможно, по-

няли бы, что теплозащита не работает, и бросались на стекло до тех пор, пока не прорвались наружу. Блю знает, что они все понимают. Она замечала, что почти каждый день существования испытывали на прочность стены своих клеток.

Сидя в шлюзе ПСиОСИ, Блю слышит, как опускается защита. Стеклопакеты дверей клеток, как и противоударные двери питомников, управляются вручную и имеют физическую изоляцию, что требует обязательного участия человека. «Серебряная улыбка» не может их взломать.

– Внутренние двери закрыты, – говорит Дик. – Щенки никуда не денутся.

– Поняла, – отзывается Блю, нажимая кнопку, чтобы открыть шлюз. – Выхожу наружу.

Когда навстречу огню Кауфманна открывается люк, в шлюзовую прорываются ослепляющие осколки света. Блю ворчит и закрывает глаза, надеясь, что, глядя на звезду, она не нанесла ущерб оптической системе Маркуса.

– Помни, Блю, это просто игра, – наставляет Дик. – У тебя осталась еще одна жизнь.

«Да что ты говоришь!» Блю поворачивается спиной к звезде и выходит из шлюза, таща за собой инструменты. Ей больше нельзя оглядываться, иначе она пострадает. Взглянув вправо, она видит блестящий золотой корпус ПСиОСИ, его палубы, элементы модульной теплозащиты. Единственные открытые экраны расположены над клетками питомников. Эту программу поведенческой модификации создала

Блю и тем самым сделала клетки уязвимыми. Если бы она не предоставила доступ к теплозащитным экранам, она бы не выходила в космос к палящей звезде.

Блю напоминает себе, что на самом деле она не здесь, что она спокойно отдыхает в своей комнате. Что бы ни случилось, она все равно будет жива. Однако потерпев неудачу, живой она останется недолго.

– Я нахожусь на внешнем корпусе, – сообщает Марсалис.

Она вдыхает и хватается за ручку, но жгучая боль вынуждает ее убрать руку. Блю стонет и сжимает пальцы, медленно поворачиваясь назад.

– Разговаривай со мной, Блю.

– Ручки очень горячие!

Дик смеется. Ей хочется убить его за это.

– Под тобой находится раскаленная звезда, куриные твои мозги! Конечно, ручки будут горячими, как противень в духовке!

Она стабилизируется с помощью отполированных ускорителей «Черепахи». Ее силуэт на корпусе напоминает каплю смолы, ползущую по твердой золотой поверхности. Порывы ветра прибивают ее к корпусу. Боль в руке отступает.

– Держи инструменты перед собой, – говорит Дик. – Так они будут прохладнее.

– Ладно, – трещит в динамике хриплый голос Маркуса.

Она ненавидит его испуганное и слабое звучание, так как по сравнению с остальными Маркус является гораздо более

приспособленным созданием.

По сравнению со всеми, кроме ловцов.

– В настоящее время происходит взлом кода системы безопасности питомников, – сообщает Люси. – «Джуно» пытается закрыть все порты данных, но «Серебряная улыбка» продолжает их открывать.

– Вы можете перепрошить «Джуно» до исходного состояния? – спрашивает Блю. – Просто верните ее к заводским настройкам.

– Если мы это сделаем, «Розовый Орел» погибнет, и ты потеряешь данные по фолдингу белка, – говорит Люси. – Мы потеряем все данные ПСиОСИ.

Наступает полная тишина. Блю направляет реактивный ранец скафандра к ближайшему portalу тепловых экранов и останавливается перед ним. Она устанавливает фиксирующий ключ в нужную позицию, помещает его на крепежные болты и нажимает рычаг. Панель, резко дернувшись, прикрепляется к обшивке станции.

– Это лучше, чем полностью потерять «Джуно», – говорит Блю.

– Знаешь что? – отвечает Люси с нехарактерным раздражением в голосе. – Я гениальный программист, а ты – генетик, так как насчет того, чтобы каждому заниматься своим делом?

Хотя Люси и потеряет данные своих экспериментов, по крайней мере, у нее останется функционирующий продукт,

который легко сохранить. Она просто может подключить к «Джуно» диск, и у нее будет закрытая рабочая версия «Серебряной улыбки». Блю переживает за Джозепа: из-за этой ошибки его данные, скорее всего, не удастся спасти.

«На это нет времени».

Блю защелкивает ключ на следующей панели и опускает рычаг. Тело в скафандре горит, и все болевые рецепторы Маркуса подают сигналы прямо в ее мозг. Интересно, насколько быстро сейчас бьется ее настоящее сердце? Настраивая нейрокомпьютерный интерфейс, она решила сохранить болевые ощущения, чтобы самой получать все экстренные сообщения нервной системы андроида. Она решила, что чувство боли не мешает, чтобы случайно не отрубить руку или не испепелить свое суррогатное тело.

Но с каждой секундой ее кожа становится все горячее, а разум мутнеет. Стресс не может быть полезным для человека в таком состоянии. А вдруг она здесь умрет?

– Ты как? – спрашивает Дик. – Дышишь тяжело...

– Я в порядке.

Блю приступает к следующему болту. Два закручены до предела, шестьдесят один остался.

– Очень жарко. Я не уверена, что смогу это сделать, – говорит Блю, нажимая кнопку.

Стопорный болт поворачивается. Ее голова начинает кружиться.

– Я когда-нибудь рассказывал, как на меня напали дикие

псы?

Блю качает головой, и густые светлые волосы Маркуса касаются шлема изнутри.

– Напали... дикие псы?

Она должна схватиться за рукоятку и обжечь перчатку.

– Да, мы с моими братьями немного повздорили у отца на ферме. Позволь мне обрисовать картину местности: самая настоящая глушь к югу от Амунгуны, где есть только красная пыль и наша захудалая ферма. Мы выращивали эму на ста акрах земли. Каждый день мы были вынуждены охотиться. Если ты возвращался без добычи, то приходилось есть чертову эму. У нас было несколько кур и все такое, но не так уж много.

Блю прикручивает еще один теплозащитный экран.

– Ты никогда не устаешь рассказывать всякую чушь, Дик? Ты действительно думаешь, будто я поверю, что ты был охотником?

– Один из первых колонистов Марса был родом из глуши. Это была моя прапрапрабабушка. Она и похоронена на Марсе. И знаешь, что? Австралийцы идеально подходят для работы в космосе.

– Откуда ты знаешь? – хрипло спрашивает Блю, орудуя незакрепленным ключом.

– В глубинке ты каждый день видишь одно и то же. Там постоянно приходится сталкиваться с трудностями. Все вокруг пытается тебя убить. А еще, где бы ты ни жил, это ме-

сто обязательно будет носить глупое название, — объясняет Дик. — Мне кажется, что я даже дерево впервые увидел только тогда, когда пошел в школу в Новой Зеландии. Так скажи мне, чем это отличается от жизни в космосе?

— Закаты, вероятно, приятнее, — Блю переносится к следующей цели.

— Слушай, дружище, ты сейчас находишься над настоящей плазменной звездой. Никакой вид на Земле с этим не сравнится.

— Не напоминай мне об этом.

Переговорное устройство немного потрескивает.

— Так я могу закончить свою историю, или как?

Когда Блю хватается за следующую дверь, она чувствует скрежет металла. Находящееся под ней существо чувствует ее присутствие и отчаянно ищет способ выбраться.

— Да... да, конечно.

— Итак, я поссорился с моими братьями, бросил нож в Дилана и попал ему в руку. Он отбросил его в меня, но промахнулся на милю. При этом он орал как резаный. Дилан и мой другой брат, Долтон, решили отправиться обратно на ранчо без меня.

— Вас троих зовут Дик, Дилан и Долтон?

— Прекрати перебивать. У тебя там куча дел. — Не дожидаясь ответа, он продолжает: — Я не хотел возвращаться и получить нагоняй от отца, поэтому взял нож и отправился в противоположном направлении. Я просто шел на закат. Частные

владения были очень большими. Можно было отлично погулять и при этом никого не встретить.

Блю пытается представить себе засохшую глинистую землю и безжизненные сухие кусты.

– Я наконец добрался до шоссе, но было уже поздно. Тогда я решил, что пора возвращаться домой. Солнце начало садиться, и, слава богу, стало немного прохладнее. Я как раз начал получать удовольствие от прогулки, и тогда увидел их – пару крадущихся за мной койотов.

– Черт! – шипит Люси, и одна из теплозащит на дальнем конце клеточного блока открывается.

Блю инстинктивно залезает на станцию. Она чувствует вибрацию разбившегося внутреннего стекла. Черный дым сочится из открытой клетки, а вакуум всасывает загрязненный воздух. Широко раскрытыми глазами Марсалис смотрит на отверстие и надеется, что существо удержится в клетке. Блю не слышит, но она знает, что зверь пронзительно кричит, скребет когтями и пытается ухватиться зубами.

– Люси, ты можешь контролировать «Джуно», или нет? – спрашивает она, и ее дыхание становится слишком быстрым.

– Мы делаем все возможное!

– Вашего «возможного» недостаточно!

Блю чуть не роняет свой фиксирующий ключ, когда отрывается от корпуса. У нее гипервентиляция легких.

– О, господи. Ладно, Люси, я жду, чтобы ты...

– Перестаньте прерывать, – говорит Дик авторитетным то-

НОМ.

Дыхание Блю замедляется.

– Теперь-то ты хочешь услышать мою историю о койотах, или нет?

Марсалис хватает ключ и сжимает зубы. Ей нужно запечатать более пятидесяти клеток. С такой скоростью она застрянет здесь на несколько часов.

– Наши койоты не похожи на тех, которые водятся у вас, американцев. Они не такие ободранные и не такие отъевшиеся. Наши койоты не отказываются от еды, особенно когда эта еда – гуляющий в полном одиночестве маленький мальчик.

– Даже если эта еда на вкус как Дик? – спрашивает Блю дрожащим голосом и фиксирует ключ. Еще одна клетка закрыта.

– Умница! – радуется Дик. – Моей первой мыслью было бежать – это сделал бы любой здравомыслящий человек. Но мы, австралийцы, не знаем здравомыслия.

– Вы находитесь в первой десятке по качеству жизни и медицинской помощи на планете. Можешь не рассказывать мне о тяжелой жизни в Австралии.

– Ты имеешь в виду большие города, дружище. В частности Сидней и Брисбен. Но это точно не относится к Алис-Спрингсу и Амунгуне – эти захолустья никому не нужны. Марс более гостеприимен, чем мой родной город, черт бы его побрал. Если ты был голоден, тебе приходилось убивать,

но и ты тоже мог запросто стать чьим-то ужином.

Блю запирает еще несколько клеток, пока Дик рассказывает об условиях проживания в глуши. Его рассказы оказались полезными: она не закичивается на сильной жаре и страхе провала. Но вдруг рядом с ней открывается еще один экран. Это не похоже на созданную ею программу модификации поведения, при которой теплозащита открывается и снова закрывается. Дверь медленно распахивается, солнечные ветры наполняют клетку своими частицами, и температура воздуха внутри клетки поднимается до тысячи градусов по Фаренгейту.

Блю передвигается обратно, стараясь не отходить от корпуса слишком далеко. И вдруг внутреннее стекло вздувается, словно пузырь, заполняя клетку масляным дымом, а затем извергается наружу. Ловец вырывается на золотую поверхность «Холодной кузницы». Это первый раз, когда Блю видит чудовище без какой-либо преграды, – и, кажется, оно не умирает!

– Вот дерьмо! – выдыхает Марсалис в переговорное устройство, повторяя эти слова снова и снова, будто молитву. – Дерьмо, дерьмо, дерьмо!

– Спокойствие. Только спокойствие, дружище, – говорит Дик. – В мои планы не входило становиться жертвой. Знаешь, я читал о Французском Иностранном легионе.

Когда исчезают последние частицы воздуха, дым поднимается от существа, словно пар. Его челюсти выдвигаются,

а когти сжимаются. Чужой готовится прыгнуть. Он не должен быть жив! Солнечная нагрузка на черный панцирь должна вскипятить его внутренности даже быстрее, чем кожу.

К ужасу Блю, в этот момент начинают открываться другие теплощиты. Они раскрываются медленно, словно листья паротника под действием слабого ветра.

– Когда они оказываются в меньшинстве, – говорит Дик, перекивая ругательства Блю, – то примыкают штыки и стреляют.

– «Серебряная улыбка» контролирует теплозащиту! – сообщает Люси, но ее слова звучат слишком поздно: ловец взрывается, и желтая кислотная кровь разлетается во всех направлениях. Блю наблюдает за тем, как открываются другие теплозащитные экраны, и внезапно липкое сернистое желтое вещество ударяет по стеклу ее шлема, наполняя скафандр ядовитым зловонием. Пока Блю кричит, электрополированный пластик разрушается, покрывая стекло пузырями.

– Возвращайся в шлюз! – командует Дик, мгновенно забывая о своем нудном повествовании.

Марсалис хватая одной рукой свой шлем, очищая его от пузырей, и перчатка тут же прилипает к пластику, прожженная до ладони. Ничто на свете не обжигало ее так сильно. Блю этого не видит, но она начинает падать. Жар Кауфманна набрасывается на нее волнами.

– Блю... *Блю!* – кричит Дик. – Это все не по-настоящему!

Ты не умираешь, но тебе нужно выбраться оттуда.

Марсалис пытается управлять «Черепахой», но скафандр не слушается. Она не может найти способ удержать равновесие. В правой части ее ранца находится кнопка, активирующая команду «вернуться домой», но до нее можно дотянуться только той рукой, которая плавится на ее шлеме. Блю вращается в открытом космосе и переживает о том, что другие ловцы взорвутся в любую секунду и обрушат на нее шквал кислотных брызг.

– Ладно, Блю, нажимай кнопку «домой», – спокойно и уверенно звучит голос Дика.

Предупреждения о низком давлении заполняют ее уши. Она теряет кислород, но не это важно. Маркусу не нужно дышать, но мысль о том, чтобы не заполнить свои легкие кислородом, вызывает панику. Ее солнцезащитный щиток работает плохо, так как кислота разрушает решетку поляризующих нанотрубок. Солнце обжигает лицо, и она не может общаться, потому что ее микрофон слился с полурасплавленным щитком.

– Черт возьми, черт, черт! – шепчет она, используя оставшийся воздух.

Левая рука не достает до контрольных кнопок на поверхности скафандра. Ее солнцезащитный щиток почернел посередине и стал болезненно ярким по краям. Она потеряет Маркуса. Он останется вращаться в этой бездне. Она не сможет снова работать над своим проектом, пока через шесть

месяцев не будет обеспечена новая поставка... Но задолго до этого Садлер раскроет все ее секреты.

Эта ложная смерть станет началом гораздо более продолжительной настоящей смерти.

– Черт, черт, черт... черт побери.

Используя левую руку и стараясь не выпускать ремни безопасности, Блю отстегивается от ранца. Потом разворачивает его вверх ногами, останавливая краями сапог. Наклонившись изо всех сил и стараясь защитить лицо от жара, она смотрит сквозь край своего щитка. Рядом с левой рукой находится кнопка возврата. Марсалис нажимает ее.

Как только устройства включаются, ранец дергается, и Блю крепко хватается за ремни, которые когда-то держали ее пристегнутой. Она боится не удержаться, но руки Маркуса очень крепкие. Он не отпустит.

Радиоактивные частицы попадают на заднюю часть скафандра, обжигая тело. Однако она хотя бы продолжает вращаться, как мясо на вертеле, получая ровный поток жара, а не сгорает дотла с одной стороны.

Ранец со свистом проносится в открытом космосе, судорожно дергаясь, пытаясь компенсировать неустойчивость из-за веса Блю. Она замечает корпус станции, но сейчас тот больше похож на ливень кислотных капель и оторванных конечностей в рассеивающемся черном дыму.

Если она снова попадет под брызги кислоты, то уже не вернется.

– Блю! Блю, ты меня слышишь?

Марсалис не может ответить, так как микрофон больше не работает. Ее ноги раскачиваются, пока ранец скафандра доставляет ее тело к кораблю. Она едва может держаться.

– Давай, детка, – говорит Блю. – Еще немного, и...

Внезапно она врывается в корпус станции с такой силой, будто ее только что сбilo транспортное средство, и тогда ранец вырывается у нее из рук. Он улетает прочь, но Блю не видит, куда. Единственное, что она знает – он устремился вверх.

– Нет!

Блю машет свободной рукой в поисках любой возможной точки опоры. Находит тонкий выступ и вцепляется в него пальцами, подтягивая тело ближе. Несмотря на работающую защиту скафандра, идущее от станции тепло обжигает ее руку и тело в местах соприкосновения.

Подтягиваясь, она видит затененное отверстие. Шлюз. Ранец, должно быть, ободрал корпус станции, пытаясь попасть внутрь. Ее нога находит опору, и Блю толкается, отчаянно желая найти углубление.

Она добирается до входа, находит ручку шлюза и подтягивает тело к безопасному месту. Прислонившись спиной к холодной стене, она вдавликает кнопку пуска, чтобы начать разгерметизацию.

Вернувшись в искусственную гравитацию, Блю опускается на колени, пытаясь отдышаться. Проклятая «вернувшаяся»

ся домой» «Черепаша» стоит у дальней стены.

Когда комната заполняется достаточным количеством воздуха, по громкоговорителю она слышит голос Дика, призывающего ее доложить о состоянии тела Маркуса. Но она не может говорить, не может даже перестать трястись. Марсалис поднимается, чтобы разблокировать свой шлем, и, несмотря на достаточное количество кислорода, она все еще не может дышать. Слышится далекий непрерывный звуковой сигнал.

Ее кулаки сжаты, а изображение перед глазами накрено. Должно быть, что-то случилось с гравитационным двигателем, потому что ее тянет к палубе. Она не распознает предупреждающие звуки, которые получает – они не похожи на коды ошибок, которые ей известны.

Когда Блю опускается на колени, она узнает предупреждающий сигнал, который слышала в те времена, когда лежала в больнице.

Это ее прикроватная сигнализация, сообщающая о низком содержании кислорода.

8. Правда восторжествует

– Как она?

Дориан одновременно и переживает, и нет. С одной стороны, Блю – самый интересный человек в этой мусорной куче, а с другой – она подвергла опасности жизнь всех своих образцов несколькими дилетантскими строками кода. Слишком много взрослых ловцов погибло в огне Кауфмана. С точки зрения науки каждое из существ было бесценным, но, судя по отчетам Компании, стоимость их доходила почти до миллиона долларов за штуку: закупка, обеспечение содержания, снабжение электроэнергией, логистика. После успешного окончания исследования Блю будет вынуждена компенсировать ущерб, или ее проект принесет одни лишь катастрофические убытки.

Марсалис могла попросить кого-то более квалифицированного помочь с написанием кода для системы безопасности, однако она этого не сделала. Но почему? Почему она настояла на том, чтобы делать все самой?

– Состояние стабильное. Она умирает, – говорит Энн, скрестив руки. – Ничего нового.

– Не шевелитесь, – просит Дориан.

Энн стоит в дверном проеме, прислонившись к косяку. После того как Маркус интубировал Блю, Энн пришла к Садлеру, чтобы предоставить ему свежую информацию. Дориан

установил табурет и собирался изобразить просачивающийся в комнату звездный свет, но тут же потерял к нему всякий интерес. Когда зашла Энн, директор все еще сидел перед разложенной газетной бумагой, но вместо звездного света он начал рисовать ее.

– Не шевелитесь, – повторяет Дориан. – Сложите руки. Я рисовал вас в таком положении, но вы слишком сильно изменили позу.

Энн сужает глаза:

– Что? Вы меня рисуете?

Директор улыбается и склоняет голову:

– Вы настоящая картина. Я просто обязан вас изобразить.

Векслер улыбается кокетливее, чем он ожидал. Она, наверное, надеялась услышать «дешевый» комплимент вроде этого. Дориан чувствует влечение к Энн на уровне влечения к порноактрисе – похотливое, молчаливое, о котором впоследствии можно забыть. Она обладает несколькими его фетишами: хорошей спортивной формой, цепким взглядом и грубым потенциалом. По отношению к женщинам Дориан всегда чувствовал только похоть и ни разу не испытывал эмоциональной привязанности. Раньше он старался избегать женщин, потому что они укрепили его веру в то, что с ним что-то не так. Сейчас, однако, Энн может стать прекрасным развлечением, поэтому ему необходимо избавиться от разлившегося по венам раздражения.

Дориан замечал ее взгляд. Энн – существо приземлен-

ное. Она любит заниматься спортом и испытывает слабость к стройным, мускулистым мужчинам. Садлер заметил, что так же она смотрела и на Маркуса – провожала андроида взглядом, когда тот уходил, и переводила взгляд на грудь синтета, когда тот скрещивал руки. Телосложение Дориана определенно даст ему некоторые преимущества.

Прическа, чистая кожа без единого волоска и манера разговаривать делают Садлера похожим на синтета. Неужели именно это привлекает Энн? Она всех своих мужчин рассматривает как пластиковые объекты? Энн спит с Маркусом, когда Блю им не управляет? Или, может быть, Блю и Энн предпочитают наслаждаться компанией друг друга?

Дориан протягивает руку за пачкой сигарет и обнаруживает, что у него заканчиваются спички. Он еще более раздражен, потому что вспоминает, что так и не нашел кусок картона с напылением для розжига. Но не это важно – у него есть и электрическая зажигалка. Он просто любит сам ритуал.

– Пожалуйста, не надо, – говорит Энн, но при этом не поворачивается, чтобы уйти или остановить его.

– Курить? – спрашивает он.

– Рисовать меня. Я никогда этим не занималась, – говорит она, но все же опускает руки, как и раньше. – Сегодня я еще не была в душе и вообще плохо выгляжу.

– Я думаю, что это прекрасно, – лжет он с задумчивой улыбкой. – День был трудный, и он оставил отпечаток на вашем лице.

На самом деле ему не нравится запах пота. Если она клюнет на его приманку, он возьмет ее прямо в душе.

– Могу я задать вам вопрос?

– Валяйте.

Садлер смотрит ей в глаза с другого конца комнаты и представляет, как он сейчас выглядит – на фоне неистовой звезды видна темная фигура долговязого парня спортивного телосложения, одетого в костюм. Какая чудесная композиция. Ей, должно быть, нравится этот вид.

– Почему вы так любезны со мной, хотя все остальные меня не любят?

В каком-то смысле это ложь. Энн ничуть не доброжелательнее и не враждебнее, чем любой другой член персонала, за исключением Блю. Если бы Садлер выбирал объект за почетительное отношение, то должен был попытаться переспать с Люси, а если бы основывался на уважении, то должен был бы трахнуть командера Кардозо.

Дориан надеется укрепить идею особой связи между ними. Сначала Энн решит, что он заблуждается на счет ее вежливости, но в его фразе есть подтекст: «Благодаря тебе я чувствую себя не таким одиноким». Поскольку Дориан холоден по отношению к остальным, Энн задумается, что, возможно, она здесь единственный способный на дружелюбие человек.

– О чем вы говорите? Коммандер Кардозо...

– Выполняет свою работу, – перебивает Дориан. – Он военный, который встретил начальника.

– Я тоже служила в Колониальной морской пехоте, – отвечает она, приподнимая бровь. – Не забывайте.

– Но вы более приспособлены. Он самоутверждается при помощи военной карьеры, а вы больше похожи на человека, который самоопределяется за счет... потенциала.

– Вы что, хотите обидеть морских пехотинцев?

– Я бы не посмел.

– Черт, вы действительно не посмеете, – кивает она. – Долго мне еще тут стоять?

Это оказалось не так просто. Она не должна чувствовать себя загнанной в ловушку или понять, что ее пытаются соблазнить, иначе все резко закончится.

– О, извините. Я просто шутил... о рисовании. Вы не обязаны оставаться, если вы этого не хотите.

Печально, что он вынужден скрывать свои намерения за правдоподобным отрицанием, постоянно прикрываясь разными потребностями. Он понимает, почему Компания не хочет, чтобы он спал с субъектами своих проверок: они считают, что люди вынужденно вступают с Садлером в отношения, лишь бы сохранить свою работу. В сущности, постельная сторона вопроса достаточно скучная. Для Дориана это равносильно разрушению обороны противника. Использовать свою власть – жульничество. Домогательство – это игра, в которую играют только старые руководители-импотенты.

Дориан выше этого. Однако он хочет дать понять, что Энн играет против него. Было бы забавно увидеть ее подлинную

реакцию, если бы она узнала, что именно поставлено на карту.

– Правда? – интересуется она с разочарованным видом. – Я-то думала, вы на самом деле меня рисовали.

– Рисовал, – говорит он, – но не могу же я задерживать вас, если вам нужно куда-то идти.

Она делает несколько шагов вперед.

– Моя работа на сегодня закончена. «Джуно» находится в автономном режиме, и Хавьер сейчас все восстанавливает. Дик пытается убедиться, что клетки смогут работать дальше. На данном этапе ничего больше не сделать, остается только ждать.

Дориан опускает взгляд на карандашный рисунок на газетной бумаге и видит размазанные черные полосы жестов. Они выглядят женственно и сильно: резкие диагональные линии бедер, контрастирующие с вертикальным дверным проемом. Рисовать позу – это представлять человека голым до самых костей, освобождая его от неправильного выбора одежды, прискорбных шрамов от подростковых прыщей и других проявлений индивидуальности.

– Я мало поработал над рисунком, – говорит Садлер, – но хотите посмотреть, что получилось?

Она движется в его сторону и смотрит на бумагу. Что она видит? Всего лишь фигуру из линий с наложенными геометрическими объемами. Он вытирает руки о тряпку.

– Почему вы не рисуете в цифровом формате?

– Потому что тогда я не смогу прочувствовать рисунок.

Это самая правдивая вещь, которую он сказал после прибытия в «Холодную кузницу». Садлера мало заботят реальные люди, и он считает это безразличие своим самым сильным преимуществом. Однако иногда он может прослезиться за-за рассказанной ему истории. Когда он смотрит в глаза портрету, ему даже на кратчайшее время кажется, что изображение оживает. Для Дориана созерцание портрета похоже на процесс археологических раскопок, где чистый белый песок сметают, чтобы найти скрытые под ним формы. Только его инструментами являются карандаш и уголь, стержень и ластик.

Это грязный процесс.

Экран компьютера добавляет лишний стерильный слой. Он уничтожает ту субстанцию, с которой Дориан мог бы получить связь. Возможно, поэтому он с такой легкостью причиняет людям боль посредством электронных таблиц. Цифры не имеют ни запаха, ни жизни, ни красоты.

– Красиво, – говорит она.

Сейчас в картине нет ничего красивого. Это все равно что назвать красивым комок глины, из которого только предстоит родиться керамическому изделию. Энн лжет, так как думает, что Дориан гордится своим рисунком. Стало быть, она заинтересована в его одобрении.

Садлер ждет, когда ей станет неловко, и она сядет.

– Вы не ответили на мой вопрос, – говорит он. – Почему

вы так добры ко мне?

– Я думаю, что вы все не так поняли, – отвечает она.

Садлер сдерживает усталую улыбку. Он бы хотел поведать ей о каждом человеке, который когда-либо называл его корпоративным «подставным лицом», наемным убийцей или бессердечным сукиным сыном, и о том, что все они были правы. Ему нравится взаимодействие созданных и разрушенных шаблонов. Он любит побеждать, и в моменты трансцендентной прямолинейной искренности Дориан понимает, что любит, когда другие проигрывают. Это единственный способ сделать игру значимой.

– Как так? – удивляется он.

На самом деле директор знает ответ, пусть она еще ничего и не сказала. «Это тяжелая работа. Кто-то должен ее делать. Это Компания, а не благотворительная организация». Все это бессмысленно, так как лишает его функции в данном уравнении. Он любит закрывать проекты. Он наслаждается каждой минутой своей работы. Он восстанавливает равновесие огромного механизма, принося хаос в отдельные его части.

– Не возражаете, если я попробую еще раз? – спрашивает он, предлагая подвинуть стул и сесть напротив.

Энн соглашается.

Дориан начинает с общих черт лица: линии бровей, губ, линии челюсти и уха, а также формы головы. Он торопится добраться до ее глаз – главного атрибута. Как только он нач-

нет рисовать эти синие стеклянные шарики, он сможет смотреть в них столько, сколько захочет, без какого-либо предлога.

Дориан расспрашивает Энн о ее детстве и слушает историю о жизни на затопленном побережье Мексиканского залива, обо всех ураганах, торнадо и трагедиях жизни в маленьком городе. Он отличный слушатель и умеет сделать так, чтобы собеседник чувствовал себя не только услышанным, но и по достоинству оцененным. Садлер смеется над ее шутками, не смущается, когда она его разглядывает. Он смотрит прямо в глаза и следит за ее взглядом.

Она рассказывает о самоубийстве отца, произошедшем во времена ее учебы в старшей школе. Рассказывает о наркотической зависимости матери и о сестре, которая работает в Нью-Йорке в рекламном агентстве. Говорит о колледже Пердью и о том, что недолго встречалась с профессиональным спортсменом. Наконец, она рассказывает о вступлении в Корпус морской пехоты США и бесчестном увольнении оттуда за то, что находилась в состоянии алкогольного опьянения в общественном месте во время осады.

Она не расспрашивает Дориана о его жизни. Если бы она это сделала, то для него это стало бы неким предупреждением. Никто не должен знать, какой он – какой он настоящий.

Когда она полностью прониклась его ложной снисходительностью, он смотрит ей в глаза, наклоняется вперед и целует. Энн не протестует, наоборот, она явно хочет его. Она

горит от его прикосновения, и Садлер никак не ожидает, что девушка настолько смелая и сильная. Она сталкивает его на пол и показывает ему все чудеса своего тела, пожирая каждый дюйм его плоти. Энн купает его в своих фантазиях, доводит его до экстаза. Она показывает ему, что он слишком долго отсутствовал в ее станционной жизни.

Он поражен.

Он возбужден.

Ему оказано доверие.

Он борется с ней за доминирование на раскладывающейся кровати в своей комнате, на тумбочке и на раковине. Она сражается без правил, кусается и царапается, и, в конце концов, Дориан признает ее настоящую силу. Она держит его в подчинении и прижимает его, пока они снова не достигают кульминации.

Энн Векслер выиграла, но на этот раз проигравших нет.

Ближе к утру, когда Дориан пробуждается, он видит Энн. Она смотрит на него, подпирая рукой подбородок. Сначала он беспокоится, что это может быть следствием серьезной привязанности, так как все это напоминает сцену, когда любовник смотрит на своего спящего партнера. Поэтому Садлер не может не радоваться, когда видит на лице Энн слабые признаки беспокойства.

– Что случилось? – спрашивает он.

– Это было весело.

Он вопросительно смотрит на нее:

– Так вот какое лицо ты делаешь, когда находишь что-то веселым?

– Извини, – говорит она. – Я просто знаю, что не должна была этого делать.

Изображая подобие сочувствия, он отвечает:

– Ты же не занималась этим в одиночку. Я тоже не должен вступать в неофициальные отношения со служащими станции. Это может повлиять на мою работу.

Она сворачивается клубочком на сгибе его руки. Этот жест поражает Садлера, так как он совершенно не вяжется с ее прозаичной склонностью доминировать в сексе. Дориан надеется, что не обнаружил ее слабости – это бы стало настоящим разочарованием.

Ему нравится Энн, или, вернее, ему нравится ее компания. Она принимает правильные решения и не похожа на человека, который все время ноет. Если бы она оставалась при нем, они могли бы друг друга развлечь.

Энн гладит его обнаженную грудь теплой рукой и вздыхает.

– И каково твое суждение? – спрашивает она, прикасаясь к его нежной коже губами.

То, что Энн так быстро поинтересовалась данным вопросом после того, как они переспали, раскрывает ее сущность. Она думает, что он глуп, или, по крайней мере, надеется на это. Человек, находясь под дофаминовым кайфом, может по-

делиться личной информацией или указать на свои уязвимые места. Конечно, Дориан наиболее податлив, когда им движет усталость – после секса, или хорошей, тяжелой тренировки.

Он восхищается готовностью этой женщины поделиться своим телом, чтобы получить эту информацию, хотя, по его мнению, в проигрыше она не осталась: Дориан знал, как угодить ей, понимал ее потребности. Он просто «нажал на нужные кнопки».

Какие еще интриги плетутся на этой станции?

Дориан никогда никого не любил, и, конечно же, не любит Энн. Однако своим вопросом она кое-что ему напомнила – он ведь тоже пробрался к своей должности через постель.

– Вчерашний побег «Серебряной улыбки» подверг всех на станции серьезной опасности, – сейчас он говорит правду. – С одной стороны, это был успешный тест проекта, но с другой стороны – ужасный провал. Эволюционные характеристики, о которых говорила Люси, были многообещающими, и тем не менее бесконтрольное оружие – это большая ответственность.

– Вот именно, – соглашается Энн. – Возможно, на Земле Люси и блестящий сотрудник, но она однозначно не создана для контрактной сферы. Она больше похожа на любителя покурить кальян в Пало-Альто.¹⁵

Наверняка это не просто наблюдение, учитывая положение

¹⁵ Пало-Альто – город в округе Санта-Клара, штат Калифорния, США.

ние Дориана в Компании. Она пытается убедить его закрыть проект Люси. Но почему? Из-за ненависти к Люси, или потому, что хочет сохранить финансирование Блю?

Зачем нужно убрать Люси, ему понятно: она слабая и ставит под угрозу все предприятие.

– Коммуникационные антенны доктора Яноша разваливаются. Он может потерять данные и резервные копии. Впрочем, доктор лично заверил меня, что способен все исправить. Может, я глупый, но очень сомневаюсь, что у него получится. Я удивлюсь, если сохранится хоть один из проектов.

– Это печально, – говорит Энн. – Он ведь уже почти закончил. Годы работы просто... спущены в унитаз.

Дориан останавливается, умышленно пропуская «Блестящее сооружение». Он хочет понять, как женщина интерпретирует его молчание. Садлер проводит пальцами по ее мускулистому плечу и вниз по руке. Эти руки одолели его в постели.

– А что скажешь по поводу проекта доктора Марсалис? – по голосу Энн слышно, что она притворяется, будто ее это не заботит.

– На «Блестящее сооружение» уже потрачена круглая сумма, а доктор Марсалис не желает или не может дать результаты. Она не показала своих методов и не сделала никаких открытий относительно биологии существ. Вдобавок ко всему она потеряла подавляющее большинство своих данных из-за вируса, – он с отвращением качает головой. – Так

и хочется конфисковать ее проектные активы, поместить ее в криохранилище и продолжить проект под новым руководством.

Он в курсе, что Блю работала с Элиз Кото, но еще не знает, в чем именно заключалось их сотрудничество. Просто уволить Марсалис было бы не так интересно, как разоблачить ее секреты. Дориан смотрит на Энн и задается вопросом, как еще он может воспользоваться этой женщиной.

– Я знаю, что Блю... эмм, доктору Марсалис, должно быть, трудно, – защищает ученую Энн. – Я думаю, что во многом она просто так себя позиционирует. Уверена, она добилась больших успехов, чем рассказывает.

– Энн, – говорит он, – я могу судить об успехе только по результатам, а не по расплывчатым предположениям о компетентности. Ее проектные данные сфальсифицированы, ее босс находится под арестом. А теперь – очень кстати – исчезают все локальные резервные копии.

– Что?

– Да, – говорит Дориан и садится. – Я не сомневаюсь, что отличный доктор выполняет свою работу, но *какую* работу и для кого?

– Боже, – бормочет она. – Послушай, мне не нравится говорить об этом, когда она сражается за свою жизнь в соседней комнате.

– Энн, – продолжает Дориан, стараясь не сводить с нее глаз, – Блю находится на медицинском обслуживании, кото-

рое оплачивает Компания. Если она потеряет работу, то не переживет путешествие на Землю. Если ты знаешь что-то, что сделает ее для нас ценным сотрудником, сейчас самое время рассказать об этом.

Слегка отпрянув, Энн прикрывает руками грудь. Дориан находит этот жест странным. Физическая уязвимость проявилась из-за психологической угрозы. Может быть, это случилось из-за того, что он употребил слово «нас», имея в виду «Вейланд-Ютани»? Что ж, он загладит свою вину позже, когда вновь захочет секса. Садлер просто подразнит ее лакомой информацией, и она вновь попытается добыть ее через постель. Теперь их отношения взаимовыгодны, и ему от этого максимально комфортно.

Любовь – игра дураков.

– Слушай, – говорит она. – У Блю был резервный сервер, в котором она работала без чьего-либо контроля. Я уверена, что она нашла что-то важное, так как никогда не рассказывала мне об этом до вспышки «Серебряной улыбки».

– Что бы она ни скрывала, ей нужно этим поделиться, – говорит он. – Компания – это не личная копилка.

Энн расслабляется, и ее рука снова опускается.

– Просто... не увольняй ее. Вероятно, она сделала какую-то глупость. Точнее, я знаю, что она время от времени совершает глупые поступки...

– Я не собираюсь ее увольнять.

Во всяком случае, пока он не убедился в достаточной за-

щищенности сервера и не отправился обратно домой.

9. Адреналин

Длина центральной стойки составляет чуть больше полу-мили, а это значит, что Дориану приходится двадцать раз пробегать по ней, чтобы вспотеть. Он тяжело дышит сквозь маску кислородного голодания, пытаясь сделать ноги тяжелыми, а плечи слабыми, но его тело слишком напряжено в результате последних событий.¹⁶

Дориан впечатлен некомпетентностью «Холодной кузницы». Он собирается отстранить весь персонал от проектов, в том числе Энн, поскольку та скрывала касающуюся Блю информацию. Это будет настоящим кровопролитием, и когда он вернется в свои жилые помещения, то устранил одно из самых больших денежных кровоизлияний в документах Компании. Его ежегодный бонус, как правило, зависел от принятых им мер экономии, а это вознаграждение будет просто запредельным.

Позади слышатся шаги, и он слегка замедляется, позволяя себя догнать. Садлер смотрит вправо и видит Джозепа. Тот бежит быстро несмотря на то, что выглядит усталым.

– Доброе утро, доктор Янош.

– Доброе утро, директор.

¹⁶ Маска кислородного голодания – дыхательное устройство, в котором многоуровневая система сопротивления уменьшает воздушный поток в основные дыхательные пути благодаря клапанной технологии.

Голос Джозепа достаточно бодрый, хотя его опухшее лицо с синяками под глазами не может похвастаться таким же выражением. Янош выглядит невыспавшимся, проявляет признаки стресса и не повышает интонацию в конце своего приветствия. Возможно, это связано с тем, что он чувствует себя обреченным человеком. Какое-то время они продолжают бежать рядом в тишине. Дориану нравится спортивная форма Джозепа, его атлетическое мастерство и мускулистые плечи и ноги, но после двух кругов доктор уже с трудом поспевает за ним. Он что, пил?

– Директор, – с трудом хрипит Янош, – многие члены экипажа поговаривают кое о чем, и я хочу дать вам дружеский совет.

– Дружеский совет, – повторяет Садлер.

Дориану никогда не дают дружеских советов. Он знает, что за этими словами неизбежно последует какая-то угроза, обычно выдаваемая за проблему. Какой «дружеский совет» мог предложить персонал этой омерзительной станции?

Вдруг Дориан спотыкается и чуть не падает. Джозеп ловит директора за руку и возвращает ему равновесие. Под своей маской Садлер горит от унижения.

– Все в порядке, приятель? – спрашивает Джозеп, когда они останавливаются.

Кем этот человечешка возомнил себя, что позволяет себе прикоснуться к вышестоящему руководству? Когда они останавливаются, показатели Дориана на измеритель-

ном счетчике уменьшаются, и Садлер внутренне проклинает Яноша за то, что этот идиот помешал тренировке. Он никогда не сможет снова войти в тот ритм, так как будет уже слишком измотан.

– Я в порядке, – говорит он, рывком высвобождая руку. – По-моему, у вас был для меня какой-то совет?

– Директор, э-э-м, – говорит Янош и делает паузу. Он, должно быть, предполагал, что разговор будет выглядеть по-другому. – Я просто думаю, что... знаете, если возникли какие-то проблемы с нашим финансированием, вам стоит сказать нам об этом.

Дориан выпрямляется, стараясь контролировать дыхание, хотя от этого у него начинает кружиться голова. Он покажет Яношу, кто тут главный, и начнет с оппозиции.

– Некоторые из нас находятся на станции уже много лет, – продолжает мужчина. – Мы с нетерпением ждали триумфального возвращения домой. Я не хочу, чтобы вы столкнулись с мятежом, понимаете?

«Понимаете» – это то слово, которое говорит человек, когда слишком напуган, чтобы высказать свое фактическое мнение. Это блеяние овцы, зовущей стадо последовать за ней.

– Преимущество размещения этих трех проектов на «Холодной кузнице» заключается в том, что вы можете помогать друг другу, верно? – спрашивает Дориан.

– Да, – соглашается Янош со смущенным видом. – Послу-

шайте, я не уверен, что понимаю, куда вы клоните.

– Я прочитал ваше досье. Вы ведь закончили Калифорнийский университет в Беркли? По специальности «информатика и криптография»?

– Да. Все верно, – Янош приглаживает свои пышные усы. – И еще я учился на химическом факультете в Стэнфорде.

– Поэтому вы смогли помочь с «Серебряной улыбкой».

– Да.

Дориан делает глубокий вдох и задерживает дыхание, хотя легкие просят его избавиться от маски.

– Если вы такой умный, тогда объясните мне, почему экспериментальный вирус уничтожил все, с чем вы работали после прибытия на станцию?

Янош смотрит на Садлера, как будто его ущипнули.

– Мне кажется, – продолжает Дориан, – у вас должно было хватить ума принять хоть какие-то меры предосторожности, чтобы всего этого не случилось, доктор Янош.

– Я... я... – заикается Джозеп.

Он этого явно не ожидал, и Дориан знает, как манипулировать человеком в таком случае. Он поднимает брови:

– И раз мы сейчас раздаем дружеские советы о том, как выполнять свою работу, вот мой: обновите свое чертово резюме и готовьтесь к возвращению домой или найдите решение проблемы.

Лицо Яноша приобретает странное выражение: он безмолвно открывает рот, словно задыхающаяся на пляже ры-

ба, которую выбросило волной. В каком-то смысле именно это с ним и случилось: на него обрушилась жестокая сила, вытащила его из своего маленького мирка и оставила вне досягаемости и без всякой надежды. Дориан не в первый раз видит нечто подобное.

– Возможно, я неправильно выразился, – объясняет он, положив руку на плечо Джозепа.

Янош напрягается от прикосновения. Нормальный человек побоялся бы, что его ударят, но для Дориана так играть еще интереснее. Джозеп не ударит, и Дориан хочет это доказать. Он хочет показать доктору, кто здесь главный.

– Ты сказал, что хочешь знать, что тебя ждет, – говорит Дориан, глядя на Джозепа бешеными глазами. – Так вот, тебя ждет мало приятного, так как твой проект развалился, и ты угрожаешь мне мятежом.

– Я неправильно выразился...

– Понимаешь, – говорит Дориан, подняв палец, – в твоих же интересах лучше... заткнуться. Просто... слушай, что я говорю.

Джозеп выпрямляется, и Дориан убирает руку с плеча.

– Тебе не нужно терять работу. Следующая ротация не раньше чем через три месяца. Если ты сможешь вернуть «Розового орла» к жизни, то... нет ущерба – нет нарушения. Или ты можешь найти другой способ принести пользу. Все-таки твой проект добился большого успеха до того, как все рухнуло, – говорит Дориан, а потом замолкает на минуту, чтобы

подчеркнуть трагичность своего заявления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.